

Часть I. Встреча

Глава 1. Знакомство

Дождь начался внезапно, без раскатов грома, будто кто-то наверху перевернул небесное решето. Он просто шагнул под малиновый полосатый навес первой же кофейни, даже не взглянув на вывеску — подсознательно выбрав место, где было светло и, казалось, безопасно. Внутри пахло дорогими молотыми зернами, влажной шерстью и сладковатым печеньем. Воздух гудел от приглушённых голосов, создавая белый шум, в котором так удобно было прятаться.

Именно там он увидел её.

У окна, за которым потоками стекал размытый, потерявший чёткость мир. Она сидела, сгорбившись, поджав под себя ногу на широком кресле, и свет от экрана телефона мягко, почти мистически подсвечивал её лицо. Брюнетка. Волосы, тёмные как смоль, были собраны в небрежный хвост, из которого выбивались короткие пряди. Время от времени она хмурилась, и между тонких, тёмных бровей ложилась короткая, стремительная тень, будто там решалась какая-то невидимая ему задача.

Он замер в дверях, пропуская вперёд порыв влажного, холодного воздуха. Быстрый взгляд по залу подтвердил худшие ожидания: почти все столики были заняты. Студенты с ноутбуками, пара пожилых людей у окна, мужчина в деловом костюме, нервно проверяющий телефон. Одно-единственное свободное кресло стояло у небольшого

столика у самого окна. И за этим столиком сидела девушка. Она не смотрела по сторонам, не искала взглядом знакомых. Она была полностью погружена в экран своего телефона, и это погружение казалось настолько глубоким, что пространство вокруг неё выглядело отчуждённым, как будто отгороженным невидимым стеклом. Подойти? Спросить?

Он обернулся к двери. За стеклом город исчезал в сплошной, серой пелене. Ливень хлестал по асфальту с таким ожесточением, что казалось — сейчас смоет и вывеску, и тротуар. Возвращаться в этот ад не было ни малейшего смысла.

Он снова посмотрел на свободный стул. Мысли завертелись по накатанной колее: «А вдруг она ждёт кого-то? Вдруг ей не понравится, что её побеспокоят? Выгляжу, наверное, как промокшая крыса. Лучше постоять у стойки...». И тут же, резко, почти зло на себя, он эту мысль оборвал. Ну что такого-то? Мир не рухнет. Отказать — ну и отказала, не велика трагедия. Промокнуть насовсем, постоять полчаса у входа — вот это будет глупо и по-настоящему унизительно.

Он сделал глубокий вдох, будто собираясь нырнуть, и двинулся вглубь зала, чувствуя, как мокрая ткань куртки неприятно, липко холодит спину. Подошёл к столику. Его тень упала на стол.

— Здесь не занято? — его голос прозвучал чуть хрипло от промозглого воздуха с улицы, и он внутренне поморщился от этой нотки — не прошибы даже, а какой-то виноватой неуверенности. Он уже готов был увидеть вежливый, но холодный кивок или равнодушное «занято».

Она оторвала взгляд от экрана не сразу, будто ей

понадобилась пара лишних, тяжёлых секунд, чтобы снова собрать своё сознание, вернуть его из цифрового пространства в осязаемое здесь и сейчас.

— Нет, — ответила она просто, без оценивающей улыбки или кивка, и отодвинула в сторону белую фарфоровую чашку с остатками коричневой пены. Её пальцы были длинными, тонкими, без лака. На запястье — не часы, а простой, потёртый кожаный шнурок.

Он сел, сбросив на спинку стула рюкзак, и украдкой, будто крадучись, позволил себе наконец, как следует её разглядеть. Пока ждал ответа, мозг зафиксировал только общее впечатление — девушка, телефон, окно. Теперь же детали складывались в картину. Лицо не броское, но запоминающееся. Чёткая линия скул, прямой нос, губы, которые казались чуть слишком серьёзными для её возраста. Она ему понравилась. Не ослепила, а привлекла той самой странной, ментальной отстранённостью, которой ему самому так не хватало в повседневной суете. Он поймал себя на том, что смотрит на неё чуть дольше, чем стоило бы, и резко перевёл взгляд на окно, чувствуя глупый укол смущения.

— Ты слышишь? — тихо спросила она, медленно подняв голову. Её голос, низкий и немного глуховатый, казалось, вобрал в себя

всю сырость этого бесконечного дождя, отсырел и потяжелел. — Это же не цифровое. Винил.

Он прислушался. Да, это была старая запись. Не просто мелодия, а целый след времени: скрип иглы по желобку пластинки, едва уловимые шумы, лёгкое шипение. Не идеальная стерильность сжатого файла, а дыхание эпохи. Будто кто-то нарочно включил не плейлист, а историю, отмотанную на нужный момент.

— Да, действительно, — он кивнул, чувствуя, как улыбка рождается сама собой. — Очень необычно. Как будто попал в другое время.

— В другое время? — она слегка склонила голову набок, изучая его. — Или в настоящее? Цифра — это всегда про «потом». Её можно поставить на паузу, перемотать, удалить. А это... — она махнула рукой в сторону колонок, — это происходит прямо сейчас. И когда закончится, его уже не вернёшь. Останется только память о звуке.

Фраза повисла в воздухе, странная и глубокая, как сама музыка. Он привык, что люди говорят о музыке как о фоне — «прикольный трек», «ностальгично». А тут — «память о звуке». У него мелькнула мысль, что она говорит не о песне, а о чём-то другом. О чём-то, что тоже можно «потерять навсегда». Это было немного чересчур философски для знакомства в кофейне, но почему-то не раздражало. Наоборот, цепляло. Она смотрела на него, ожидая, не скажет ли он ещё что-то, и он, чтобы не ударить в грязь лицом, выдавил:

— Значит, цифра — это как... замороженное время? — спросил он, подбиравая сравнение, которое казалось ему одновременно точным и фантастическим.

Она улыбнулась — впервые за весь разго-

вор, — и её лицо, до этого момента погружённое в упрямый полумрак, сразу дрогнуло и преобразилось, став не просто светлее, а словно бы проницаемым для света — будто изнутри коснулось его не лучом, а самим источником тепла.

— Примерно так. А это — оно самое, настоящее, живое. И потому же — умирающее. В этом вся красота. В этом мимолётном треске, в этом дыхании иглы.

— Аня, — она внезапно протянула ему руку через стол. Движение было резким, почти деловым, но кончики её пальцев, коснувшиеся его ладони, оказались удивительно, почти обжигающе теплыми.

— Очень приятно, — ответил он, и его губы потянулись в улыбку — не вежливой полумаской, а чем-то настоящим, что родилось где-то глубоко внутри, под слоями ежедневной осторожности.

Разговор вспыхнул сам собой, как сухая ветка в костре. Без вступлений, без осторожных зондирований почвы. Она задавала вопросы, от которых у него на мгновение перехватывало дыхание — не те, шаблонные, о работе или погоде, а другие. Точно поставленные. Словно она смотрела не на него, а сквозь него, видя что-то спрятанное.

— Ты когда последний раз делал что-то не по плану?

Вопрос прозвучал крайне нестандартно, и от этого приобрёл какую-то особенную весомость, его звук был чистым и звучным, будто удар точного камертона. Он задумался, ощущая, как в голове начинается лихорадочная суeta, и принялся перебирать в памяти все последние дни в поисках хоть какого-нибудь намёка на разгадку.

— Сегодня. Зашёл сюда.

— Это не считается, — она откинулась на спинку стула, и в уголках её глаз, цвета тёмного янтаря, заплясали искорки. — Ты просто прятался от дождя. Это не спонтанность, а необходимость. Вынужденный ход. Я спрашивала про то, что ты сделал, когда все дороги были открыты, и ты сознательно свернул на обочину.

Он открыл было рот, чтобы возразить, найти лазейку, но слова застряли в горле комком. Она была права. Безупречно, досадно права. И в этой правоте было не обличение, а какое-то странное... знакомство.

Аня говорила, как дышала — глубоко, прерывисто, с резкими сменами ритма. Могла начать с наблюдения за каплей, ползущей по стеклу, а через минуту, не переведя дух, рассуждать о природе случайности, о том, как невидимые нити стягивают людей в одной точке в определённый час.

— Вот смотри, — она ткнула пальцем в окно. — Ты, я, этот дождь. Миллион совпадений. Одно изменение — ты вышел из дома на минуту позже, я пошла в другую кофейню, дождь начался раньше — и этой точки не существовало бы. Но она есть. Значит, она необходима. Или... просто неизбежна.

Она говорила о вещах, на которые обычно не тратят время с малознакомыми, — не для эпатажа, а потому что эти вещи для неё и были жизнью. В ней не было ни капли социального напряжения — ни желания понравиться, ни потребности скрываться за маской. Она просто была. И в этой простоте крылась гипнотическая, почти пугающая сила.

Когда они вышли, дождь уже стих, оставив после себя мир, вымытый до блеска. Воздух вонзил-

ся в лёгкие лезвием — холодный, острый, чистый до головокружения. Город притих, приглушив свой вечный гул, и только где-то вдалеке, с карнизов, стучали тяжёлые, одинокие капли. Она была на полголовы ниже его, одета просто, но интересно: тёмные джинсы, чёрный свитер под расстёгнутой кофтой, потрёпанные кроссовки. Ничего лишнего.

— Куда пойдём? — спросила она, делая шаг вдоль тротуара, поблескивающего, как чёрное зеркало.

Это звучало не как вопрос и не как предложение. Это было констатацией факта. Будто маршрут был предрешён ещё до их встречи, прописан в каком-то сценарии, и теперь оставалось лишь пройти его, сверяясь с невидимыми вехами.

Она рассказала о себе мало и обрывочно, как будто пересказывала чужую биографию. Учёба, которая плавно перетекла в какие-то «проекты», дорога, которая всё время вела, но никогда не заканчивалась. Не сказала, кем работает, но обронила, что устала. И это звучало не как жалоба уставшего человека, а как диагноз пилота, считающего показания приборов: «ресурс на исходе». Сухо, без эмоций.

— Иногда кажется, что, если остановлюсь, всё догонит, — вдруг сказала она, глядя прямо перед собой в темнеющий, залитый синевой переулок. — Поэтому я редко останавливаюсь.

Он почувствовал, как в голове рождается вопрос: «А что догонит? От чего бежишь?». Но слова застряли на губах, острые и опасные. Некоторые вопросы — словно хрупкие ледяные мосты над пропастью. Стоит наступить, и они рухнут с тихим, изящным хрустом, унося с собой всю, только что воз-

никшую конструкцию понимания. Некоторые вопросы лучше оставлять на потом. Или навсегда.

Они остановились у перекрёстка, где свет единственного работающего фонаря дробился в тысячах мелких, тёмных луж, превращая асфальт в ночное созвездие. Она взглянула на часы — быстрый, почти незаметный жест, будто сверялась с графиком, известным только ей.

— Мне пора.

— Увидимся? — его собственный голос прозвучал тише, чем он ожидал, выдавая надежду, которую он ещё не успел осознать.

Аня улыбнулась. Это было быстрое движение губ, больше похожее на тень от пролетевшей птицы. Но в глазах, на секунду задержавшихся на его лице, мелькнуло и застыло что-то тёплое и твёрдое. Похожее на обещание. Или на знание.

— Конечно.

Она продиктовала номер. Цифры ложились в память легко, сами собой, как будто он всегда их знал, просто забыл и теперь вспомнил. Убрала телефон в карман и тут же шагнула назад, разрывая общее пространство, которое успело возникнуть между ними, — будто боялась, что момент прощания затянется, нагреется от дыхания и растеряет свою хрустальную, режущую остроту.

— Напиши, — бросила она уже на ходу, обернувшись. Тень от капюшона скрыла половину её лица. — Мне нравится, как ты слушаешь.

Он остался стоять, наблюдая, как её силуэт растворяется в вечерней синеве, сначала становясь частью пейзажа, а потом и вовсе исче-

зая, будто её и не было. И только через несколько секунд осознал, что мышцы на его лице застыли в немой, непривычной, почти детской улыбке.

Позже, уже дома, в гулкой тишине своей одиночной квартиры, он поймал себя на странном, новом ощущении. Ничего экстраординарного не случилось. Не было ни вспышки страсти, ни потрясения от встречи родственной души. Но внутри, в той самой точке под рёбрами, где обычно клубилась фоновая тревога, воцарилась тишина. Не пустота — тишина. Как в сердце древнего леса после долгого дня, когда стихает ветер и замирают птицы, и остаётся только глухой, бархатный гул земли. Не взволнованно, не тревожно — именно спокойно. Это спокойствие было плотным, осязаемым, как тяжёлое шерстяное одеяло в морозную ночь.

Он лёг на диван и уставился в потолок, где играли расплывчатые отсветы уличных фонарей. В голове, словно на зацикленной, слегка заезженной плёнке, прокручивались обрывки фраз, интонации, микропаузы между её словами, едва уловимое прищуривание глаз, когда она о чём-то думала, шевеление пальцев на столе. А потом в этой внутренней тишине зазвучал диалог, тихий и отчётливый:

- Это нормально?
- Что именно?
- Что тебе спокойно.
- А должно быть иначе?

Он не стал отвечать своему внутреннему скептику. Просто закрыл глаза, позволив темноте накрыть себя с головой, как водой. И в этой темноте, вопреки всякой логике, продолжала светиться

крошечная, тёплая, упрямая точка. Точка, из которой только что вышла Аня. И он с необъяснимой уверенностью знал, что эта точка не погаснет.

Глава 2. Мама

О маме он узнал почти сразу, без подробностей и драмы. Аня вплетала её имя в разговор между делом — так говорят о чём-то фундаментальном, как о погоде или времени года. О чём-то, что просто есть, и потому не требует пояснений.

— Мама сегодня звонила, — сказала она как-то, не отрывая взгляда от кружашегося в чашке кофе. — Спрашивала, нормально ли я ем.

— И как? — уточнил он.

— Сказала, что да. Это было не совсем правдой, но её это устроило.

Она улыбнулась уголком рта — улыбка-намёк, где смешались лёгкая вина и нежность. И на этом тема иссякла, будто всё важное уже было сказано.

Поскольку Аня жила с мамой, знакомство случилось в самый обычный вечер, без церемоний. Просто пришло сообщение: «Заедем ко мне. Мама будет дома». Без вопросительного знака.

Дверь открылась почти мгновенно, будто за ней не просто ждали, а знали точный момент их прихода.

— Проходите, — сказала женщина в коридоре. Её голос был тёплым и ровным, как хорошо прогретая комната. — Аня, ты опять без шарфа.

— Мам, на улице плюс два.

— Для тебя это не аргумент. Слишком часто боле-

ешь.

Только тогда она перевела взгляд на него. Взгляд был внимательным, но не испытующим — скорее узнающим. Так смотрят на человека, о котором уже что-то слышали и теперь сверяют живое впечатление с внутренней картиной.

— Познакомьтесь. Это моя мама. Это мой парень, — бросила Аня, сбрасывая куртку на вешалку. Она произнесла это с непринуждённой лёгкостью, словно представляла не нового человека, а давно забытую, но очевидную часть пейзажа. Он успел лишь кивнуть, прежде чем мама улыбнулась.

— Очень приятно, — сказала она, и в её улыбке не было ни капли формальности или притворства. — Проходи, не стой в дверях, продуэт.

Квартира обволакивала не просто тишиной, а густой, умиротворённой тишиной, которая казалась материальной. Она была просторной, залитой последним янтарным светом от высоких окон. Чистота здесь была не стерильной, а ухоженной, наживной — той, что копится годами из любви к своему углу.

В гостиной стояла мебельная стенка из светлого дерева — типичная для конца прошлого века. А на стене, как память о той эпохе, висел пушистый ковёр с приглушённым орнаментом. Но на полке, среди обычных книг и безделушек, стояли предметы, которые словно прибыли из разных точек временной шкалы. Рядом с советским сервисом в цветочек — ультратонкая беспроводная колонка последней модели. Над диваном висели две картины в рамках: одна — вышивка крестиком с оленями (детская работа Ани, как позже пояснила мама), другая — абстрактная цифровая

печатать в стиле glitch-art, с расплывшимися, как в плохом сигнале, лицами. И они не спорили, а существовали вместе, создавая лёгкий, но стойкий диссонанс.

Но самым странным были часы. На стене висели большие круглые часы с кукушкой, тикающие громко и размеренно. А на каминной полке стояли электронные, с зелёными светящимися цифрами. И они показывали разное время. Разница была небольшой, минут десять, но он заметил. Механические отставали. Или электронные спешили.

Из приоткрытой двери комнаты Ани лилась музыка — та самая, с потрескиванием.

— Проигрыватель, — пояснила Аня, её глаза мягко скользнули вслед за его взглядом, на мгновение задержавшись на вращающемся диске. — Обожаю его слушать. Не просто музыку, а весь этот процесс: монотонный гул мотора, лёгкий свист иглы перед первыми нотами... Эти маленькие скрипты, заедания... Они же не ошибки, понимаешь? В них есть жизнь, память материала, его история. Цифра такого не умеет.

У неё, как выяснилось, была целая коллекция пластинок, аккуратно расставленных на полке — её вечерний ритуал, личный мир звуков.

На кухне уже кипел чайник, выпуская струйку пара. Мама двигалась между шкафами и столом спокойно, с молчаливой уверенностью женщины, которая чувствует себя полновластной хозяйкой в этом пространстве. Она не задавала лишних вопросов, не пыталась его «разговорить» или прощупать. Её внимание было сосредоточено на деле — раскладывании печенья, расстановке чашек, — и в этой простой занятости была безмятежность.

— Чай или кофе?

— Чай, если можно.

Аня устроилась за столом, закинула ногу на ногу, и наблюдала за ними с выражением сдержанного, почти научного интереса. Будто она ставила эксперимент и ждала результата.

— Аня много говорят? — спросила мама, присаживаясь напротив.

— По-разному, — ответил он честно, стараясь не упускать из виду лёгкую улыбку, тронувшую губы Ани. — Иногда очень мало, всего несколько слов за целый день, а иногда чуть больше, но зато каждое из них всегда по делу и попадает точно в цель.

— Это хорошо, — кивнула мама, и в её глазах мелькнуло одобрение. — Значит, ей с тобой спокойно. Она молчит только с теми, кому доверяет. А говорит — только с теми, кто способен услышать.

— Мам, — фыркнула Аня, однако в её голосе не чувствовалось раздражения, а лишь лёгкое, почти детское смущение, от которого она сама казалась себе неловкой.

— Что? — мама развела руками с преувеличенно игривой невинностью, притворно округлив глаза. — Я просто наблюдаю.

Разговор тёк о пустяках. О том, как город хоро-

шеет весной, о быстротекущем времени, о маленьких, ни к чему не обязывающих новостях. Мама рассказывала истории — неглубоко-личные, со вкусом, словно делилась не биографией, а набором жизненных зарисовок. Об Ане говорила осторожно, обходя подробности, но её слова были наполнены таким тёплым знанием, что не требовали дополнений.

— Она у меня с детства такая, — сказала мама, глядя на дочь с мягкой улыбкой. — Вечный двигатель. Даже когда сидит, кажется, что внутри у неё всё крутится.

Аня закатила глаза, но губы её дрогнули.

— Это неправда.

Мама ничего не ответила, просто поправила салфетницу. Между ними не было ни напряжения, ни скрытой борьбы. Была лёгкость давнего договора, где можно не соглашаться, не повышая голоса, где тишина между репликами не становится неловкой.

И в одну из таких пауз, когда в квартире остались лишь несинхронное тиканье двух пар часов и далёкий гул города, мама сказала, глядя прямо на него:

— Ты можешь приходить в любое время. Аня у меня гордая, сама никогда не попросит, если что.

— Хорошо, — кивнул он.

— Я говорю совершенно серьёзно, — добавила она, и её голос стал чуть тише, но приобрёл такую твёрдость, что слова будто бы обрели собственный вес. — Мне важно, чтобы ей было с кем помолчать, если вдруг накатит такая потребность, ведь это умение порой оказывается важнее любых, даже самых задушевных, разговоров.

Аня перевела взгляд с мамы на него. Ничего не сказала. Но улыбнулась — и это была редкая, або-

лютно беззащитная улыбка, без привычной иронии или острого края. В ней было просто согласие.

Когда они собирались уходить, мама на секунду задержала его в прихожей, пока Аня натягивала куртку.

— Она не всегда говорит, что чувствует, — проговорила мама почти шёпотом, её ладонь лежала на ручке двери. — И не всегда чувствует то, что происходит прямо сейчас. Но если рядом с ней спокойно — значит, всё в порядке. Значит, ты на правильной волне.

Он, не торопясь, кивнул, чувствуя, как все слова, готовые сорваться с языка, разом утратили смысл и показались ненужными, даже лишними в свете этого ясного и тихого посыла, который повис между ними. «Правильная волна»... Какая ещё волна? — мысленно повторил он, пытаясь ухватить неуловимое.

На улице повеяло первой вечерней прохладой, обещая скорый закат. Аня шла рядом, глубоко засунув руки в карманы потёртых джинс, и её шаг, лёгкий и настойчивый, был сегодня немного быстрее обычного, словно она пыталась уйти не только вперёд по тротуару, но и от собственных мыслей.

— Она тебе понравилась? — спросила она, глядя прямо перед собой на темнеющий тротуар.

— Да.

— Ты ей тоже.

— Почему ты так думаешь?

Аня усмехнулась, и в этот раз в усмешке звенела её обычная, чуть хитрая нотка.

— Если бы нет, ты бы так надолго там не задержался. Она умеет вежливо выпроваживать людей за двадцать минут. А мы просидели почти два часа. И ты всё время смотрел на часы.

Он вздрогнул, пойманный на месте преступления, ведь он и правда всё это время украдкой поглядывал на тот странный дуэт — механические стрелки рядом с холодными электронными цифрами. Он был уверен, что делает это совершенно незаметно.

— Они же показывают совершенно разное время, — почти невольно выпалил он, пытаясь оправдать своё внимание этой нелепой деталью.

Аня пожала плечами, не замедляя шага.

— Ну и что? Время — оно не абсолютно. Для одних течёт быстрее, для других — медленнее. Для маминых часов — так, как им удобно. Они старше, им тяжелее.

Они прошли несколько шагов в тишине, под которой струился незримый поток понимания.

— Ты не против, что я так сказала? — спросила она вдруг, почти небрежно.

— Как именно?

— Ну... — она махнула рукой, будто отгоняя москитов. — Про тебя... — Сказала она, слегка смущаясь.

Он пожал плечами в неловком полужесте, чувствуя, как где-то глубоко внутри начинает медленно расплываться тёплая волна, похожая на первую волну опьянения от старого доброго коньяка.

— А ты против?

Аня замедлила шаг и посмотрела на него пристально, сканируя лицо в полумраке — проверяя не слова, а искренность, способность принять её мир таким, какой он есть. Потом отвела глаза и тронулась с места.

— Тогда всё хорошо.

И он снова поймал себя на том же ощущении, что и в первую их встречу. Никаких ярких событий, никаких признаний. Но внутри было ти-

хое, уверенное воодушевление. Ощущение, будто случайные шестерёнки вселенной наконец-то, с мягким, удовлетворяющим щелчком, встали на свои места. Казалось, всё идёт так, как и должно идти. По той единственной верной, давно намеченной, но только теперь проявленной кем-то линии. Линии, которая, как он начинал подозревать, была нарисована не в пространстве, а во времени.

Глава 3. Вместе

Они съехались без торжественных разговоров и громких решений. Это произошло так же естественно, как смена сезонов: незаметно, но необратимо. Сначала у неё появилась его зубная щётка, потом на её книжной полке встал вровень его томик стихов, а на его холодильнике прилепилась её смешная открытка с котом и подписью: «Теперь я твой сосед. Корми». Вопрос «где мы живём?» растворился сам собой, оставив после себя не пустоту, а тёплое ощущение правильности. Как будто он не сделал шаг, а просто перестал сопротивлять-

ся течению, которое давно несло его в эту бухту.

Аня жила с ощущением, что всё вокруг — времменное. Не в смысле хрупкости или неважности, а в смысле удивительной, почти детской лёгкости. Куртка могла прожить на спинке стула три дня, кружка — неделю простоять на подоконнике, ловя солнечных зайчиков, а стопка книг у кровати напоминала небрежно сложенный kostёр. В этом не было хаоса — были дыхание и след жизни, которые не запирают в строгие рамки.

Утро у них протекало по-разному. Он просыпался раньше, встречая рассветную синеву за окном, она — позже, когда солнце уже плотно ложилось на подоконник. Иногда он успевал лишь поцеловать её в спящее плечо и тихо выйти, иногда — сварить кофе на двоих и застать момент, когда она, укутанная в грубый шерстяной плед, сидела на кухне, смотрела в окно и говорила о вещах, приходивших в голову внезапно.

— Ты когда-нибудь думал, что всё может сложиться слишком ровно? — спросила она однажды, не отрывая взгляда от голубя, ковырявшего что-то на карнизе.

— Нет, — честно ответил он, наливая ей кофе. — А что?

Она обернулась, и в её глазах мелькнула тень улыбки, глубокая и непрочитанная.

— Да так, — сказала она и потянулась к чашке. Тема повисла в воздухе и растаяла, как пар над кофе.

Он ходил на работу. Возвращался вечером. Иногда задерживался, иногда приходил раньше — его жизнь не требовала оправданий и длинных объяснений. Всё было на своих местах. И в этой предсказуемости таился новый, странный вид тревоги: а что, если это

слишком хорошо? Если этот покой — лишь затишье?

Он виделся с друзьями, и теперь Аня была с ним. Она вплеталась в разговоры легко и ненавязчиво — могла долго, почти недвижимо, слушать, а потом вбросить одно точное, как скальпель, замечание, после которого дискуссия меняла русло, и снова отходила в тень, улыбаясь про себя, будто знала некий секрет, которого не стоило раскрывать.

— Она у тебя странная, — сказал ему как-то приятель, когда Аня отошла к барной стойке. — В хорошем, понимаешь, смысле. Но... как будто она не совсем здесь. Смотрит на тебя, а видит что-то за твоей спиной. Или, наоборот, слишком здесь. Как будто знает, о чём ты подумаешь, прежде чем ты сам это осознаешь.

Он лишь кивнул. Как можно было объяснить то, что не требовало объяснений? Её странность была тем самым воздухом, которым стало легко дышать.

По выходным они иногда ездили к маме. Это стало ритуалом — тёплым, предсказуемым. Там всегда ждали: чайник уже шипел на плите, на столе стояла вазочка с конфетами, которые никто не ел, но которые должны были быть. Разговоры текли ни о чём — о новых тротуарах, о соседской собаке, о ценах на рынке. Мама смотрела на них внимательно, и её улыбка стала другой — более спокойной, умиротворённой.

— Ты выглядишь счастливее, — сказала она ему тихо, когда Аня вышла помочь с пирогом.

Он не стал спорить. Просто почувствовал, как эти слова ложатся куда-то глубоко, подтверждая то, что он и сам знал, но боялся сформулировать. Да, он был счастлив. Но счастье это было похоже на хрустальный шар — прекрасный, но такой хрупкий, что

дух захватывало от мысли, что его можно уронить.

Вечерами квартира наполнялась музыкой. Её проигрыватель, старый и почтенный, теперь стоял в их общей гостиной, как тотем. Иногда пластинки крутились фоном, тихим потрескивающим дыханием квартиры, иногда Аня ставила что-то нарочито громко, и тогда звук заполнял всё пространство, становясь материальным, почти осязаемым барьером между ними и внешним миром. Он не спрашивал, почему именно этот альбом, откуда у неё эта редкая, потрёпанная запись. Она не объясняла. Музыка была просто ещё одним языком, на котором они научились молчать вместе.

Он начал замечать её неизменные привычки, маленькие ритуалы, которые складывались в уютный, но слегка тревожный узор.

Она всегда оставляла свет на кухне — маленький жёлтый ночник, даже если шла спать. ««Маячок»», — говорила она. Но однажды ночью он проснулся и увидел, что ночник выключен. Аня спала. Утром свет снова горел. Он спросил, не выключала ли она. Она посмотрела на него с искренним удивлением: «Нет. Может, перегорел и сам включился?» Лампочки так не работают.

Обувь у двери она ставила не параллельно стене, а под углом, носок к носку, будто в немом разговоре. Однажды он, спеша, поставил свои ботинки ровно. На следующий вечер они снова стояли под углом. Будто квартира сама возвращала всё на свои, правильные места.

И была ещё одна вещь: маленький чёрный блокнот в твёрдой обложке. Он лежал то на тумбочке, то

на кухонном столе, то исчезал на несколько дней. Она могла что-то быстро записать в него за завтраком, увидев странную птицу за окном, или посреди ночи, внезапно проснувшись, и сразу захлопнуть с лёгким, но чётким щелчком, будто боялась, что кто-то увидит.

— Ты что там пишешь? — спросил он однажды, стараясь, чтобы голос звучал легко, не из ревности, а из любопытства.

Она провела ладонью по крышке блокнота, словно гладя животное.

— Всякое. Мысли. Сны. Чтобы не держать в голове.

— Можно посмотреть?

Она на секунду замерла, и в её расширявшихся глазах, затянутых вечерними тенями, промелькнуло что-то сложное и быстрое — это был не испуг, а скорее глухое, тяжелое сожаление, словно она мысленно увидела все те последствия, к которым могла бы привести сказанная вслух правда.

— Лучше не надо заглядывать туда, — её голос стал сдавленным, почти шёпотом. — Там сейчас... полнейший беспорядок, такой, что ты точно не поймёшь, да и не должен. И дело вовсе не в тебе, поверь, — она быстро, почти импульсивно положила руку ему на запястье, и её прикосновение, несмотря на всю торопливость, оказалось удивительно тёплым и умоляющим.
— Это просто... мой странный способ удерживать реальность в узде, чтобы окончательно не сойти с ума.

Он кивнул и больше не настаивал. У каждого должен быть свой тайный сад. Но почему от этого сада пахло не цветами, а надвигающейся бурей?

Однажды глубоким вечером, когда Аня уже спала,

уткнувшись лицом в подушку и спутав простыни, он сидел на кухне. Ночник, как всегда, отбрасывал мягкий ореол света на стол. За окном спал город, и только где-то далёко, на вышке, мигал одинокий красный огонёк — метроном чужой, безразличной жизни. Тишина была густой и сладкой, но в ней уже зрела та самая тревога, которую он теперь носил с собой, как хроническую болезнь. И в этой тишине он снова услышал внутренний диалог, тихий и ясный, как никогда.

— Это правда хорошо?

— Да.

— Без оговорок? Без этого... чувства, что ходишь по тонкому льду?

— Без. Это твоя паранойя. Успокойся.

— А если нет?

Он почувствовал, как по его лицу расплывается улыбка — невольная, глупая, счастливая, но натянутая, как маска. Впервые за долгие-долгие годы его мысли не требовали перепроверки, но теперь они требовали убежища. Он начал строить его из планов. Не грандиозных, а маленьких, домашних, из тех, что цементируют быт в судьбу и создают иллюзию контроля. План поехать в мае в Питер. План научиться печь яблочный пирог, план жизни, в которой не нужны резкие повороты, а нужна лишь эта ровная, тёплая дорога вдвоём. Он выстраивал этот будущий мир, кирпичик за кирпичиком, чтобы заглушить тихий вой тревоги где-то на задворках сознания. И именно в этот момент, в самый пик этой тихой, сияющей уверенности, ему показалось, что всё наконец-то сложилось. Что он победил собственные страхи. Что странности Ани — просто часть

её, которую нужно принять, как принял её мама.

Он поднялся, чтобы выключить свет, и его взгляд, скользнув в последний раз по столу, зацепился. Рядом с её пустой, немытой чашкой лежал тот самый чёрный блокнот. Он был закрыт. Но из него, будто выскоцив из кармана, выскользнув наружу против воли хозяйки, торчал тонкий, как лезвие, уголок фотографии. Он его раньше не видел. Это была не современная глянцевая карточка, а старый, чуть пожелтевший снимок, обрезанный неровно, будто в спешке или в порыве чувств. На виднеющемуся клочке угадывался чей-то тёмный рука и часть незнакомого лица — скула, уголок глаза.

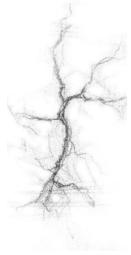
Рука сама потянулась к нему, но он сжал пальцы в кулак. Нельзя. Это граница. Её тайный сад. Нарушишь — и всё рухнет. Его собственная, выстраданная вера в «всё хорошо» была хрупче, чем этот кусочек бумаги.

Он вздохнул, резко, почти сердито, выключил свет и пошёл в спальню, к её ровному, безмятежному дыханию. Лёг рядом, глядя в потолок, и думал о том уголке фотографии. О том незнакомом лице.

Он ещё не знал, что планы имеют странное свойство — рушиться именно тогда, когда в них начинают верить.

ЧАСТЬ II. ПИСЬМА

Глава 4. Решение уехать

Аня сказала об этом вечером, между делом, между вздохом и глотком остывающего чая. Он только что переступил порог, повесил ключи на крючок, от которого уже отвык за день — этот жест стал символом возвращения домой, к ней. «Что на ужин?» — привычно, почти сонно бросил он в сторону кухни, снимая промокшие ботинки. Аня сидела за столом, поджав под себя босую ногу, и листала что-то в телефоне. Свет горел, хотя за окном еще держался хмурый, неуверенный день, будто не решаясь окончательно сдаться ночи.

— Мне нужно уехать, — произнесла она ровным, лишённым эмоций голосом, не отрывая пристального взгляда от мерцающего экрана, будто все необходимые объяснения уже были прописаны в бегущих строках текста.

Он замер, рука была ещё на молнии куртки.

— В смысле — уехать? — слова вышли тугим, неподатливым клубком, распутываясь с трудом.

Она отложила телефон на стол с тихим, окончательным щелчком. Подняла на него глаза. И в них не было ни просьбы, ни извинений, ни даже сожаления — только ясная, отточенная, ледяная решимость, от которой у него похолодело и съёжилось всё под ложечкой.

— Просто уехать.

Он медленно сел напротив. Мозг, привык-

ший к логике, лихорадочно строил мосты: командировка учеба семейные дела? Всё разбивалось о каменную простоту ее фразы.

— Это... по работе? — голос прозвучал глухо, изпод земли.

Аня покачала головой, и прядь тёмных волос упала на щеку. Она не откинула её, будто не замечая.

— Не совсем.

— По учёбе?

— Тоже нет.

Она помолчала, её взгляд скользнул куда-то за его плечо, в сумеречный угол комнаты, будто там, в сгущающихся тенях, висела подсказка, понятная только ей.

— Я не могу рассказать всего. Но это очень важно. Для меня. Возможно, и для... — она запнулась, поймав себя на слове, которое не хотела или не могла произнести. — Просто поверь.

— Надолго? — он услышал в своём голосе нотку, которую ненавидел, — детскую, просящую утешения и обещаний.

— Я не знаю.

Тишина вломилась в кухню не как отсутствие звука, а как отдельная, давящая сущность. Густая, звонкая, режущая барабанные перепонки. Он слышал, как тикают часы в комнате — каждый щелчок отдавался болью в висках. Как гудит холодильник — навязчиво, как шум в ушах. Обычные звуки дома, который только что был крепостью, вдруг стали кричаще громкими и чужими.

— Там не будет связи, — добавила Аня, словно вспомнила техническую спецификацию к своему безумию. — Ни интернета, ни звонков. Совсем.

Он усмехнулся — и это был сухой, совершенно непроизвольный, почти хриплый звук, сбежавший с его сомкнутых губ помимо всякой воли, защитный рефлекс уставшего разума, пытающегося отгородиться от нарастающего абсурда окружающей действительности.

— Мы вроде не в девятнадцатом веке. Даже в самой глухой дыре сейчас ловит хотя бы эсэмэски.

— Я знаю, — её спокойствие было оглушающим, бескураживающим. — Но там так.

— Совсем? — он повторил слово, будто провевя на прочность эту нелепую, невозможную стену.

— Совсем.

Он почувствовал, как внутри что-то большое и тяжёлое сдвинулось с фундамента — не рухнуло с грохотом, а именно съехало, медленно, неотвратимо, открыв в привычном мире чёрную, зияющую трещину. Но паника, яростная и слепая, не пришла. Пришла пустота. Абсолютная. Как если бы из него вынули все внутренности и набили ватой.

— А как мы вообще сможем общаться? — спросил он, и сам звук этого вопроса, его беспомощная интонация уже казались ему полным поражением, безоговорочной капитуляцией перед её необъяснимыми, но неумолимыми правилами.

— Письмами.

Он смотрел на неё, ожидая улыбки, оговорки, признания, что это чёрный юмор или проверка. Ничего. Только это спокойное, выношенное в себе решение.

— Настоящими? — уточнил он, и слово «настоящими» прозвучало в его устах как архаизм, как «на коне» или «на пишущей машинке». Что-то из музея.

— Да.

— Бумажными?

— Да.

Он не стал спорить. Не потому что согласился, а потому что все аргументы рассыпались в прах, как песок сквозь пальцы. Как можно спорить с человеком, который объявляет, что завтра полетит на Луну, и при этом выглядит абсолютно вменяемым? Можно лишь беспомощно наблюдать, как твоя реальность расходится с его по швам?

— Где же это место-то такое, без связи? — он уже почти не надеялся на ответ.

— Этого я тоже не могу сказать. Извини. — Аня виновато опустила голову, но в этой вине не было растерянности или слабости. Была твёрдая, непрошибаемая граница, поставленная не ему, а чему-то большему. Или кому-то.

— Я поеду с тобой, — сказал он, и это была не просьба, не предложение. Последний бастион, который он мог выставить против её абсурда. Его присутствие, его защита — вот что должно было остановить эту безумную идею.

Аня подняла на него взгляд. Глаза, обычно такие живые, насмешливые, тёплые, наполнились водой. Слёзы не потекли, они просто стояли там, создавая влажное, преломляющее сияние, которое делало её взгляд пронзительно ясным. В них читалось всё: и боль, и нежность, и что-то несгибаемое, железное. Она должна ехать одна. Это был не вопрос, не выбор. Это был закон её личной, непостижимой для него вселенной.

— Это странно.

— Это безумие.

— Но это важно для неё. Ты же видишь, как она смотрит.

— Ты не понимаешь.

— А нужно ли понимать всё? Иногда нужно просто... принять.

Он чувствовал, как трескается где-то внутри, но звука не было.

С мамой Аня поговорила позже, за закрытой дверью своей комнаты. Он не слышал всего, только обрывки, просочившиеся сквозь дерево, словно из другого измерения: низкий, ровный, узнавший голос матери, короткие, рубленые, почти что военные ответы дочери. В интонациях мамы не было паники — была сосредоточенность, будто она расшифровывала сложный, но давно ожидаемый текст. Она знала больше. Намного больше. И этот факт обжёг его сильнее, чем само решение Ани.

— Адрес мне не нужен, — сказала мама в какой-то момент, и в её голосе прозвучала та же покорность судьбе, что начала зарождаться и в нём, но смешанная с грустной, древней мудростью. — Главное, чтобы ты писала.

— Буду, — ответила Аня. И это прозвучало не как обещание, а как клятва. Клятва, данная в каком-то их тайном, женском, непонятном ему словре.

В день отъезда они ехали до вокзала в странном, приглушённом молчании, которое не было ни комфортным, ни враждебным. Чемодан, маленький, потрёпанный, без бирки, стоял на заднем сиденье, будто собирался не в неизвестность, а на обычные выходные за город.

Эта бытовая нормальность была невыносимой.

— Ты уверена, что всё взяла? — спросил он, придерживая дверь такси, и тут же ненавидел себя за этот банальный, дурацкий вопрос.

— Да.

— Документы?

— Да.

— Куртку?

— Я не замёрзну, — она сказала это легко, с той самой, знакомой до боли улыбкой, которая когда-то растопила его в кофейне. Будто речь шла о весёлом приключении, а не о разрыве всей ткани их совместной жизни. Он хотел крикнуть «ПОЧЕМУ?», вцепиться в неё, заставить объясниться, но слова застревали в горле комьями, бессмысленные, тяжёлые, беспомощные.

На платформе царил привычный, равнодушный хаос: объявления, смех, плач, суета. Мир продолжался, не замечая его личной, тихой катастрофы. Она обняла его крепко, вжалась всем телом, уткнулась лицом в шею, и он почувствовал, как мелко, предательски дрожит её дыхание. В этом дрожании была вся её непрочность, вся её человечность, которую она так яростно прятала за спокойствием.

— Я буду писать, — прошептала она в воротник его куртки. — Часто.

— Я тоже.

— Не пропадай.

— Это ты у нас исчезаешь, — попытался он шутить, но голос дал трещину.

Она отстранилась, улыбнулась, быстро смахнула пальцем что-то с ресниц. Но глаза оставались серьёзными — собранными, как у солдата перед десантом

в тыл врага. Не боязливыми, а сосредоточенными на чём-то огромном, незримом, что лежало за горизонтом этого вокзала, этого города, этой жизни.

Поезд тронулся. Она смотрела в окно, пока не скрылась из виду, став пятном, точкой, ничем. А вечером, когда он уже почти поверил, что всё это сон, пришло сообщение: «Доехала до пересадки. Всё хорошо». И фото: длинный, пустынный перрон, выцветшая табличка с незнакомым, звучным названием, серое, «вымытое» дождём небо.

Потом — ёщё. Фото узкой дороги, убегающей в зелёную чащу леса, с пояснением: «Здесь так много воздуха. Хочется дышать глубже, чем когда-либо». Снимок уютного, потрёпанного кафе с велосипедом у стены: «Здесь кормят просто, но вкусно. Как в детстве».

Он жил в ритме этих сообщений. Каждая вибрация телефона заставляла сердце биться чаще, вырывая его из омута тоски. Он отвечал мгновенно, строча длинные, многословные сообщения о своём дне, о пустяках, о том, как скучает, — будто мог этим соткать новую, цифровую нить, которая удержит её.

А потом был звонок. Картинка дергалась, плыла, но ее улыбка сквозь помехи была солнечно-яркой.

— Смотри! — она развернула камеру, и его экран заполонили бескрайние поля, холмы, упи-

рающиеся в низкие облака. — Видишь? Красиво?

— Невероятно, — сказал он, и тревога стала отступать, растворяясь в ее восторге. Она болтала взахлеб: про попутчиков, про яблоки от незнакомки, про чувство абсолютной, немыслимой правильности каждого ее шага.

— Я чувствую каждой клеткой, что делаю всё именно так, как нужно, и никак иначе, — её голос звенел в воздухе, чистый и прозрачный, словно маленький хрустальный колокольчик. — И я даже не знаю, откуда берётся эта уверенность, но она есть — я просто это знаю, и всё.

Он слушал и ловил себя на улыбке. Расстояние сокращалось до нуля. Ее энтузиазм был заразителен. Может, и правда, это просто ее странное, но необходимое путешествие? Может, так и надо?

— У тебя всё будет хорошо, — сказала она ему.

— А у тебя?

— И у меня. Просто немного по-другому.

Вечером, когда он уже ложился спать, пришла еще одна порция фотографий: дорога, петляющая между взгорков, как коричневая лента; багровое, приплюснутое солнце, садящееся в лиловую дымку на горизонте; одинокий, покосившийся указатель с полуустертым, нечитаемой надписью. И подпись, короткая и ясная, как удар холодным клинком:

«Завтра я пересеку границу, за которой не будет связи. Люблю. Ты — моё спокойствие». Он набрал ответ, пальцы дрожали: «Береги себя. Жду каждую секунду». Отправил. Потом еще, не в силах остановиться: «Жду писем. Пиши обо всём».

Потом, уже почти в отчаянии: «Я тоже тебя.

Очень». Сообщения улетели в цифровую пустоту. Значки «доставлено» застыли, не сменяясь на заветное «прочитано».

Часы пробили полночь. Затем час ночи. Два.

Он снова и снова перезагружал телефон, машинально и бессмысленно удерживая палец на кнопке, затем проверял силу сигнала Wi-Fi, хотя отлично знал, что сеть работает безупречно, и наконец снова звонил — разумеется, совершенно беспспешно. Длинные, монотонные гудки уходили в бездонную тишину, словно её номер теперь существовал в некоей параллельной реальности, куда не дотягивались сигналы ни одной вышки и куда не могло проникнуть ни одно его слово.

Больше Аня в сети не появлялась.

Глава 5. Письма

Первое письмо пришло через три дня. Он запомнил это утро не потому, что произошло что-то особенное, а потому что всё было слишком обычным, до тошноты знакомым. Серая лестничная клетка, запах пыли и затхлости из мусоропровода, тонкий, надрывистый звук лифта где-то наверху. Он спустился к почтовым ящикам без ожиданий — по инерции, как робот, выполняющий утренний скрипты. Реклама, счета, чужие фамилии на конвертах с окнами. Рутинный шум города за стенами подъезда казался ему теперь фоновым статическим шумом, белым и бессмысленным.

И только когда металлическая дверца

ящика уже была готова захлопнуться с пустым звоном, взгляд зацепился. Конверт. Имя на нём было выведено от руки. Не печатный шрифт, а живая, дышащая линия чернил — синих, чуть расплывшихся в волокнах бумаги, будто перо торопилось. Он замер. Просто остановился, будто тело отключило моторные функции. Кровь отхлынула от лица, ударив в виски гулким, мерным стуком. В ушах воцарилась та самая, описанная ею тишина — густая и внимательная.

Он не открыл письмо сразу. Это требовало правильной, почти сакральной обстановки. Поднялся домой, положил продолговатый конверт на чистый стол, снял куртку, налил себе воды. Потом сел напротив и какое-то время просто смотрел. Шершавая бумага, потёртые края от долгой дороги, небрежно наклеенная марка с незнакомым видом — что-то вроде старой водонапорной башни на фоне холмов. Был странный, почти мистический запах — пыли дорог, древесной смолы и чего-то ещё, неуловимого, что он тут же окрестил «запахом далёкого места». Было странное чувство — будто если он сейчас вскроет кон-

верт, реальность в комнате дрогнет и пойдёт по другому, новому руслу. Будто этот простой кусок бумаги — не сообщение, а портал. Он долго водил пальцем по шершавой поверхности, чувствуя подушечкой каждой бугорчатую нить, каждый залом. Потом поднёс конверт к лицу и вдохнул глубже. Да, определённо — пахло лесом после дождя и старыми книгами.

Почерк у Ани был живой, дышащий, немного спешащий вперёд. Буквы наклонялись, иногда сталкивались друг с другом, строки то взмывали вверх от нетерпения, то опадали вниз под тяжестью мысли. Но в этом не было небрежности. Это был почерк человека, который пишет так же, как говорит — потоком, не задерживаясь на паузах, боясь упустить суть.

И она писала. Много. Не просто много — подробно, смакуя детали, словно пыталась передать не факты, а само ощущение того места, его плотность, температуру, звук. Про дорогу, которая в итоге привела её к дому. Про полуразвалившийся автобус, высадивший её на остановке без названия — просто кусок растрескавшегося асфальта у края леса, который сразу же начал поглощать звуки, как губка. «Он был зелёный, этот автобус, — читал он, — точь-в-точь как те, что возили нас в пионерлагерь. И вонял тем же — бензином, пылью и мокрым ватником. Странно, да? Как будто я не ехала, а возвращалась. В какое-то своё, забытое «тогда»..» Про мужчину в тёмной, выгоревшей на солнце куртке, который молчал, не глядя на неё, ткнул пальцем в сторону просёлочной дороги и растворился в чаще, будто его никог-

да там и не было. «Я даже не успела его толком рассмотреть. Лицо было обычным, будто сотни таких лиц видела раньше. Может, в детстве. Или во сне».

Про лес она писала отдельно. Сначала — как о чём-то настораживающем, живом и наблюдающем. «Тишина здесь не пустая, — читал он. — В ней слишком много звуков. Треск ветки, шорох в траве, чьё-то дыхание за спиной. Но когда перестаёшь его бояться, понимаешь — он не следит. Он просто есть. И ты в нём — гость». Потом лес в её письмах стал спокойным, почти домашним. Как будто чаща перестала быть чужой, приняла её и больше не требовала пароля. «Сегодня встретила в лесу старушку с корзинкой. Собирала грибы. Разговорились. Говорит, знает эти места как свои пять пальцев, живёт тут «всегда». Спросила, откуда я. Я сказала, что из города. Она посмотрела на меня так пристально, словно видела насекомое, и говорит: «А по мне, ты здешняя. Лицо знакомое. Только платье на тебе другое». И ушла, даже не попрощавшись. А я осталась стоять и думать: какое платье? На мне же были джинсы».

Он читал медленно, вслух, шепотом. Иногда перечитывал предложения по несколько раз, задерживаясь на словах, которые она подчёркивала одной чертой или выделяла скобками. В какие-то моменты он улыбался, и смех вырывался тихим, счастливым выдохом. В другие — ловил себя на том, что дышит настолько тихо, будто боится спугнуть тишину в комнате,озвученную той, что она описывала. Его собственное жилище, с его привычными углами и вещами, наполнялось

новыми смыслами. Он смотрел на свою стену и видел не штукатурку, а тени сосен; прислушивался к шуму водопровода и слышал в нём далёкий ручей.

Домик оказался небольшим. Одноэтажным, с покатой крышей из темного шифера и крыльцом, которое, по её словам, «скрипело под ногами, как старый корабельный борт». Деревянные стены, побелённая печь с чугунной дверцей, маленькие окна, в которых, как она писала, «застрелявал рассвет». «Здесь всё очень простое, — призналась она. — Нет ничего лишнего. И в этой простоте — странная свобода. Как будто пространство не требует от тебя быть кем-то ещё. Ты можешь быть просто собой. Даже если не знаешь, кто это».

В одном из писем она вложила фотографии. Настоящие. Бумажные, матовые, с мягкими, чуть волнистыми краями, слегка выцветшие, будто солнце уже успело до них добраться. Он сразу понял — снимала на старый фотоаппарат. Такие снимки не фиксировали момент, а буквально вырывали его из времени и запечатывали в маленьком квадрате, оставляя на нём следы света, тени и случайности. На одной — домик снаружи. Неровный забор, трава по колено, крыльцо с облупившейся голубой краской. Дом стоял чуть в стороне от дороги, затерянный, словно не хотел, чтобы его находили. На другой — комната. Стол у стены, застеленная грубоватым покрывалом кровать, окно с тонкими, полупрозрачными занавесками. И — проигрыватель. Старый, тёмный, лакированный, с аккуратно разложенными стопкой пластинками рядом. Он долго смотрел именно на него. Почему-то проигрыватель

казался самым важным, самым живым предметом в этом застывшем интерьере. Как будто она привезла его не ради музыки, а ради ощущения живого звука — того самого, что когда-то свел их в кофейне.

В ответ он написал сразу. Писал долго, мучительно. Вычёркивал целые абзацы, переписывал начисто, злился на собственный почерк, который казался ему таким неуклюжим, мёртвым по сравнению с её летящими строчками. Он хотел, чтобы письмо получилось тёплым, дышащим, как её, но не знал, как это сделать. В итоге получился сбивчивый, эмоциональный поток: описание его дней, смешных случаев на работе, вопросов к ней, признаний в тоске. Конверт он заклеивал с особой тщательностью, словно от этого зависела сохранность не только бумаги, но и частички его души внутри.

Через несколько дней пришёл новый конверт, чуть потолще. «Я честно старалась разобрать твоё письмо, — писала Аня. — Но есть слова, которые я читаю как хочу. Я решила, что этот иероглиф — «скучаю», а эта каракуля — «целую». Это даже весело. Думаю, ты там признался мне в чём-то очень важном, что не смог бы сказать вслух». Он рассмеялся, громко и неожиданно для самого себя. Потом поймал себя на том, что улыбка не сходит с лица уже полчаса. В следующий раз писал медленнее, с усилием выводя буквы почти детским, округлым почерком. Получалось коряво, но искренне.

Письма стали приходить регулярно. Иногда через день, иногда через два, но никогда не заставляли ждать дольше трёх. Он начал узнавать их ещё издалека — по специальному серо-голубому оттенку

конверта, по его толщине, по тому, как он одиноко лежал в ящике, выделяясь на фоне безликой макулатуры. Он стал забирать почту сам, ритуалом. Даже если возвращался за полночь, уставший, всё равно спускался вниз — проверить. Иногда находил письмо вечером, и тогда ночь наполнялась тихим светом. Он откладывал все дела, заваривал тот самый чай, который они пили вместе, и погружался в чтение, отгораживаясь от мира стеной из её слов. Иногда утром — и тогда весь день шёл под знаком этого ожившего в руках листа бумаги. Он носил письмо с собой на работу, в кармане пиджака, чувствуя его шелест при каждом движении, как талисман.

Она писала о мелочах, которые становились главными. О том, как по утрам здесь особенно тихо, и эта тишина не давит, а будто даёт место мыслям, которые наконец-то перестают толкаться. Как свет медленно, почти невесомо ползёт по половицам, отмечая путь времени. Как третья ступенька у входа скрипит каждый раз чуть по-разному — то жалуясь, то смеясь, — и она уже научилась угадывать её настроение. «Вчера вечером слушала радио. Поймала какую-то дальнюю волну. Вел передачу голос с лёгким акцентом, говорил о событиях, которых я не знаю. О каком-то фестивале, который должен был состояться прошлым летом. Но тон был такой, будто он говорит о будущем, с предвкушением. А потом поставили песню — старую, из восьмидесятых. И диктор сказал: «А это — наше ближайшее будущее».

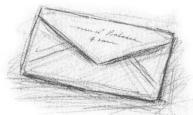
Иногда она вкладывала короткие, отрывистые записи на клочках бумаги:

«Сегодня я включила пластинку, и мне показа-

лось, будто музыка звучит уже не из динамиков, а из самых стен, из самой древесины пола, — они за долгие годы, кажется, запомнили каждую ноту, впитали её и теперь медленно отдают обратно».

«Здесь очень много неба. Иногда кажется, что если встать на цыпочки, можно потрогать облако».

«Я начинаю привыкать. Это одновременно пугает и успокаивает».

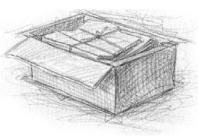

Он задавал вопросы в своих письмах. Прямые, простые. Чем ты там занимаешься весь день? Как проходит твоё время? Ты совсем одна? Ответы приходили не всегда. Иногда она мягко уходила от темы. Иногда писала так, будто вопроса вовсе не существовало, а было лишь её непрерывное наблюдение. «Сегодня с утра до вечера сидела на крыльце и смотрела, как дождь стирает границы между небом и землёй», — читал он. Или: «Здесь время идёт иначе. Я пока к этому привыкаю. Иногда просыпаюсь и точно знаю, что сегодня, например, вторник. А на календаре — воскресенье. И ведь я не ошибаюсь. Просто мой вторник — это чьё-то воскресенье». Он перечитывал такие места, пытаясь понять, не пропустил ли что-то между строк, не спрятано ли там «нет» или «помоги». Но тревоги не было. Было странное, покорное ощущение, что не всё в жизни должно быть проговорено до конца. Что у каждого есть право на внутреннюю территорию, куда не ступает нога даже самого близкого человека.

Однажды он пролил воду на письмо. Случайно, по глупой неосторожности. Поставил кружку слишком близко к краю стола, задел локтем. Холодная вода растеклась по лакированной поверхности, на-

крыла угол листа. Он почувствовал, как у него резко, болезненно забилось сердце, будто он совершил непоправимое преступление. Он вскочил, схватил письмо, пытался промокнуть салфеткой, трясущимися руками. Чернилы — синие, шариковые — поплыли, расплылись синеватыми кляксами. Несколько строк, самые важные, самые долгожданные, стали нечитаемыми. Его бросило в жар от бессильной ярости на себя. Это было глупо, иррационально, но он вдруг почувствовал панику, острую, как нож. Это письмо он ждал. Это не переписка в телефоне, которую можно скопировать, восстановить, переслать. Это была единственная вещь. Уникальная. Хрупкая. Сокровище на бумаге, присланное через полстраны. Он ценил каждое письмо больше, чем любой предмет в своей квартире, потому что его нельзя было заменить. Он сидел над испорченным листом долго, пока бумага не подсохла и не стала жёсткой. Потом начал разбирать слова по уцелевшим буквам, как археолог по черепкам. Додумывал фразы, вспоминал её стиль, её интонации, подбирал слова, которые она могла бы использовать. Восстанавливая смысл по обрывкам. Когда ему, наконец, показалось, что он уловил утраченную мысль, он почувствовал такое глубокое, физическое облегчение, будто избежал реальной, невосполнимой потери.

После этого случая он завёл ритуал хранения. Старую картонную коробку из-под обуви, крепкую и глубокую, он выстлал мягкой тканью. Письма складывал туда по порядку, по датам, которые она всегда ставила в углу. Конверты хранил

отдельно, в большом бумажном пакете. Иногда, по вечерам, он доставал стопку, просто перекладывал её с места на место, пересчитывал, проверяя сохранность каждого листа. Это успокаивало.

Жить без мгновенной связи было непривычно и тяжело. Иногда он ловил себя на том, что тянется к телефону, чтобы срочно поделиться какой-то мелочью — увидел смешную вывеску, вспомнил её шутку, — и только потом, с горьким уколом, вспоминал: так больше нельзя. Письма погрузили их в совершенно иной хронотоп. Они требовали времени на дорогу. Тишины для написания. Внимания для прочтения. Их нельзя было пролистать вполглаза или отложить на «потом», которое никогда не наступает. Каждое было событием. Мир вокруг замедлился, стал зернистым, как плёнка. Он начал замечать, как долго идёт дождь, как медленно тает сахар в стакане, как растягиваются тени от фонарей. Его собственное время стало подстраиваться под этот неторопливый, бумажный ритм.

Он продолжал ходить на работу, встречался с друзьями, заезжал к её маме пить чай в той самой чистой, тихой квартире. Внешне всё было как раньше, и одновременно — нет. В ткань его жизни вплетлась новая нить — зазор между днями, заполненный сладкой мукою ожидания и тихой радостью обладания. Иногда по вечерам он раскладывал письма на столе, рядом с фотографиями, словно собирал карту неведомой страны, куда она уехала. Перечитывал, возвращался к одним и тем же, полюбившимся фразам, искал новые смыслы. Он проводил пальцем по строчкам, где она описывала закат, и ему ка-

залось, что он чувствует на коже то же прохладное вечернее дыхание, что и она. Он упивался этой иллюзией близости, этой магией сопричастности.

— Ты *справляешься*? — спрашивал он себя порой мысленно, глядя в темное окно, в котором отражался его одинокий силуэт и яркий квадрат лампы над столом с письмами.

— А у тебя есть хоть какой-то другой выбор? — отвечал внутренний голос, звучавший всё более устало и с каждым разом всё менее похоже на вопрос, а больше на констатацию горького, но неизбежного факта.

— Есть. Но ты не хочешь другого.

Он не спорил. Просто аккуратно складывал письма обратно в коробку, завязывал ленточку, ставил на полку. Так, постепенно, эта новая жизнь с её особым ритмом — между письмами, между строками, между вдохом ожидания и выдохом получения — стала не просто привычной. Она стала достаточной. Ему казалось, что если у них есть этот параллельный мир, тихий и прочный, как старая бумага, они способны преодолеть любое расстояние, любую тишину. Он построил себе лодку из её слов и плыл в ней по бурному океану разлуки, уверенный, что где-то там, на другом берегу, она машет ему рукой с того самого, скрипучего крыльца.

А потом в письмах начали появляться странности.

ЧАСТЬ III. РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ПИСЬМА?

Глава 6. Странности

Он заметил их сразу. Не в тот день, когда они стали очевидными. Не тогда, когда смог бы объяснить это словами. А в самый первый момент, когда внутри что-то едва заметно сдвинулось — настолько слабо, что он сначала принял это за усталость. За недосып. За обычную тревогу, которая иногда приходит без причины, как странный привкус железа во рту после долгого молчания.

К тому времени они переписывались уже несколько месяцев. Письма стали частью его жизни так же естественно, как утренний кофе или дорога на работу. Он больше не считал дни между конвертами — просто знал, что письмо будет. Иногда завтра, иногда послезавтра. Это знание было спокойным, устойчивым, почти фоновым. Оно не требовало усилий. Именно поэтому первое изменение он почувствовал телом, а не головой — лёгким холодком под лопатками, когда разорвал конверт. Бумага пахла иначе. Не лесной сыростью и старой древесиной, а чем-то резким, химическим, как клей или свежая типографская краска.

Почерк. Он не мог бы сразу сказать, в чём разница. Буквы всё ещё были её. Тот же наклон, те же петли, та же привычка вытягивать строчные «у» в длинные хвосты. Одни слова выводились с привычной лёгкостью, другие — с напряжением, прода-

вливающим бумагу, трети — дрожащими, осторожными штрихами, будто человек писал в полной темноте или с закрытыми глазами. Слова будто спешили друг за другом, сталкивались, налезали, образуя клубки чернил на стыке букв. Некоторые буквы она перестала дописывать до конца, словно ей было всё равно, поймёт ли он, или будто рука внезапно отказалась, отвлеклась на что-то более важное.

Он перечитал письмо дважды. Потом ещё раз, водя указательным пальцем под строкой, как ребёнок, учащийся читать. Смысл был. Формально — всё на месте. Но фразы как будто не держались друг за друга. Они не выстраивались в привычную, плавную цепочку её мысли, а распадались на островки, оставляя после себя странное, зудящее послевкусие — как от сна, который почти вспомнил, но не смог удержать, и теперь в памяти лишь обрывки: красный шарф, ощущение падения, чей-то смех, обрывающийся на высокой ноте. Он сказал себе, что она просто устала. Что, может, писала при свече. Что у неё закончились чернила в ручке и она дописывала карандашом, который тупился (но в письме не было карандаша).

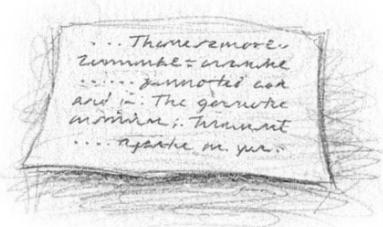
— Ты придумываешь.

— Нет, я просто внимательный.

— Или всё-таки накручиваешь себя?

Следующее письмо было длинным, размашистым, и это сначала обмануло, принесло облегчение.

Но читать его оказалось пыткой. Это было похоже на чтение стенограммы чужого сна, записанной на бегу. Она начинала описывать рассвет — «багро-

ые полосы на стене, холод пола под босыми ногами, вкус ночи на губах» — и вдруг, без точки, без перехода, писала: «...а мама всегда говорила, что я слишком громко смеюсь, будто хочу, чтобы меня услышали в соседнем дворе, но там никого не было, только пустая качелька скрипела». Потом — снова о рассвете, но уже как о «тихом вздохе дома, который замер, ожидая». Потом — внезапная, оторванная от всего фраза посреди страницы: «Здесь легко забыть, где заканчивается комната и начинается лес. И наоборот»

Он ловил себя на том, что читает медленно, почти по слогам, губы беззвучно шевелятся. Иногда останавливался посреди предложения, возвращаясь на строку выше, перечитывал, пытаясь найти логический мостик, переход. Но его не было. Были разрывы. Провалы. Некоторые фразы цеплялись особенно сильно, впиваясь в память как занозы.

«Иногда мне кажется, что дом знает больше, чем я. Он помнит другие лица за этим столом. Другие руки на этих стенах. Он шепчет иногда, но я не понимаю языка. Только шорох. Как будто кто-то ходит на цыпочках в соседней комнате. А соседней комнаты нет».

«Сегодня пыталась вспомнить, какой сегодня день. Посмотрела на календарь — он висит на гвоздике, отрывной. Но числа там все одинаковые. Белые. Ни одного не оторвано. Я порвала сегодняшний. Под ним — снова сегодняшний. Я порвала весь календарь до конца. На стене остался только гвоздь».

«Я стараюсь не считать шаги от колодца до дома, но они всё равно считаются сами. Иногда их семь. Иногда — двенадцать. Никогда — девять. Почему никогда девять?»

???

Он перечитал эти строки несколько раз, до тошноты, пока буквы не поплыли перед глазами. Пытался подставить привычные значения: метафоры, поэтические образы, попытку передать ощущение одиночества. Убеждал себя, что это просто настроение, творческий беспорядок в голове у уставшего человека. Но слова отказывались укладываться в знакомые рамки. Они были как осколки разбитого зеркала, в каждом — своё, искажённое отражение, но сложить их в целое было невозможно.

Он написал ей в ответ, тщательно подбирая каждое слово — осторожно, обходя прямые вопросы стороной, будто боялся спугнуть её хрупкое молчание. Спросил, всё ли у неё в порядке, не устала ли она от этого затянувшегося одиночества, не хочет ли она, чтобы он приехал, хотя бы ненадолго, просто чтобы убедиться, что всё хорошо. Ответ пришёл через четыре дня, и всё это время он провёл в состоянии почти лихорадочного ожидания, постоянно проверяя почтовый ящик каждый час после работы и прислушиваясь к шагам почтальона на лестничной клетке так, будто от них зависел некий окончательный и бесповоротный приговор.

Она не ответила ни на один из вопросов. Вместо этого она писала о тишине. О том, что по вечерам она стала другой — не просто отсутствием звука, а плотной, тягучей субстанцией, в которой можно утонуть. «Вчера слушала пластинку, — писала она. — Последняя нота должна была закончиться. Но она не закончилась. Она зависла в воздухе, как паутина. Я ждала, может, минуту, может, час. Потом пошла на кухню, а нота всё ещё висела в гостиной.

Я вернулась — её не было. Значит, она последовала за мной? Или я вернулась не в тот момент?» Она писала, что иногда просыпается от того, что кто-то зовёт её по имени голосом, очень похожим на её собственный, но детским. И этот голос доносится не с улицы, а из угла комнаты, где стоит шкаф.

Он почувствовал неприятное напряжение где-то под ребрами.

- *Она просто описывает ощущения.*
- *А раньше она не делала этого?*
- *Делала. Но не так.*

Письма начали приходить реже. Сначала это было почти незаметно — один лишний день ожидания, который он списал на задержку почты. Потом — два. Потом пришло письмо, датированное «четвергом», но на почтовом штемпеле стояло число, которое было воскресеньем. Нестыковка в три дня. Он убеждал себя, что это ошибка почты, что там, в глухи, штемпель могут поставить с опозданием. Но ожидание стало другим. Раньше оно было тёплым, сладким томлением. Теперь — острым, как голод. Он начал ловить себя на том, что каждый раз, подходя к почтовым ящикам, задерживает дыхание. Сердце бьётся не от радости — от напряжения, готовясь либо к удару, либо к пустоте. Ладонь перед щелью ящика слегка дрожит.

Её почерк продолжал меняться, словно находясь в постоянном лихорадочном движении. Иногда слова были перечёркнуты — не одной линией, а яростными, нервными зачёркиваниями, рвавшими бумагу. Иногда — дописаны поверх других, так что приходилось разгадывать ребус, угадывая первоначальный

смысл по торчащим хвостикам букв. В одном письме он заметил, что она дважды начинала одну и ту же фразу, но заканчивала её по-разному, и оба начала шли друг за другом, без перерыва. «Я сегодня думала о том, как пахнет дождь на асфальте в городе, этот маслянистый, кисловатый запах, и...». Фраза обрывалась на полуслове, чернила смазались, будто руку дёрнули. И через два абзаца, среди описания заката: «Я сегодня думала, что не всё нужно доводить до конца. Иногда лучше оборвать на полуслове. Так остаётся надежда, что следующее слово могло бы всё исправить. Но следующего слова нет. Есть

только тире, которое тянется и тянется...»

Он ловил себя на том, что читает письма уже не как сообщения, а как клинические симптомы. Раскладывал их на большом столе, как карты таро или улики на столе следователя. Искал закономерности, повторяющиеся слова, символы. И не находил ничего, кроме хаоса.

Однажды он заметил, что подпись в конце письма — просто «А.» — была выведена с нажимом, а несколько строк выше, в описании найденного в лесу пёстрого камушка, почерк был мелким, округлым, почти детским. Он долго смотрел на эту страницу, пытаясь понять, не показалось ли. Но нет — разница была очевидной. Как будто письмо писало два разных человека

— Это ничего не значит.

— А если значит?

— Ты ищешь проблемы.

Он снова написал ей. На этот раз прямо, чёрным по белому. «Аня, что происходит? Твои письма меня

пугают. Ты пишешь так, будто говоришь не со мной, а с кем-то невидимым, или сама с собой. Ответь, пожалуйста, нормально. Всё ли с тобой в порядке?»

Ответ пришёл через неделю. Эта неделя растянулась в вечность. Он жил в состоянии постоянно го, низкочастотного гула тревоги. Проверял почтовый ящик по пять-шесть раз в день. Просыпался среди ночи с ощущением, что только что понял что-то очень важное — и тут же забывал, оставался лишь холодный пот на спине и стук сердца в ушах. Становился раздражительным, рассеянным. На работе ловил себя на том, что час смотрит в монитор, не видя строк, а видит лишь её почерк, пляшущий перед глазами. Коллеги начали это замечать. Друзья — тоже.

— Ты вообще здесь? — спросил его приятель за пивом, щёлкая пальцами передеголицом. — Ты как зомби.

Он машинально кивал, пытаясь изобразить на лице нечто похожее на улыбку, но внутри совершенно не был уверен, где именно находится это самое «здесь». Его собственное «здесь» давно расползлось, застряв где-то в пространстве между скучными строками её последнего письма и ежедневно пустеющим почтовым ящиком, который он продолжал проверять с упрямой, но уже почти безнадёжной надеждой.

Когда письмо наконец пришло, он сорвал конверт прямо в подъезде, под тусклой лампочкой. Внутри был один-единственный листок, и на нём, посередине, без приветствия и подписи, выведено было: «Не пытайся всё понять сразу. Это мешает слышать тишину между буквами. Она важнее слов». И больше — ничего. Ни точки в конце. Ни кляксы. Чистая, ледяная строка, от которой в жилах стынет кровь.

Он стоял, прислонившись к холодной стене подъезда, чувствуя, как по спине медленно, мурашками, пробегает ледяной холод. Это было не похоже на неё. Ни по тону — это был не голос влюблённой девушки, не голос подруги. Это был голос оракула, или сумасшедшего, или того, кто видит то, чего не видят другие. Ни по форме — всегда были детали, описание, поток. А здесь — приговор. Ни по длине — одна строчка, будто выстрел.

— *Что ты имеешь в виду?* — прошептал он в пустой подъезд. Эхо не ответило.

— *Что это значит, «тишина между буквами»?*

— *Одна строчка. За неделю ожидания. Одна.*

Письма стали приходить ещё реже и стали похожи на обрывки, выброшенные на берег после кораблекрушения. Короткие и обрывочные.

Иногда — всего несколько строк, написанных таким дрожащим почерком, что казалось, писавший мёрз или был в ужасе. «Сегодня видела в окно, как мимо по дороге шли дети. Несли старый, допотопный магнитофон. Они пели песню, которой ещё нет.» Иногда — снова длинные, но теперь уже не спутанные, а... путающие. Она могла начать писать о том, как топит печь, затем перейти к воспоминанию о том, как в семь лет потеряла в парке красный воздушный шар, потом внезапно, без связи, описать узор инея на окне как «замёрзшую музыку», а закончить вопросом, который будто висел в воздухе с самого начала: «А если я сейчас напишу тебе, что люблю, дойдёт ли это письмо до тебя вовремя? Или ты получишь его тогда, когда уже забудешь мой голос?»

Он чувствовал, что это не просто творческий бес-

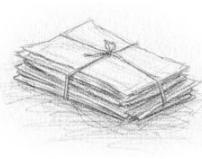
порядок. Это был крик. Крик, заглушенный ватой расстояния и бумаги. Но крик о чём? Он выписывал повторяющиеся образы на отдельный лист: ДОМ (живой, дышащий, знающий). ТИШИНА (плотная, тягучая, говорящая). МУЗЫКА (незавершённая, зависшая, запомненная стенами). ВРЕМЯ («считается само», «неправильные шаги», «не вовремя»). Он смотрел на этот список, как на шифр сумасшедшего, но ключа к нему не было. Только паранойя росла, пуская корни в его мозг.

Он начал плохо спать. По-настоящему плохо. Просыпался в холодном поту от снов, где Аня звала его, но её голос доносился из старого радио, или из стен, или из его собственного рта. В голове, даже наяву, крутились обрывки её фраз, накладываясь друг на друга, создавая какофонию: «...дом знает больше... шагов никогда девять... любишь ли ты меня ещё или уже?..» Иногда он ловил себя на том, что шепчет эти фразы вслух, проверяя, не сложатся ли они наконец в осмысленное предложение. Они не складывались. Они рассыпались, как бисер.

Однажды утром, глядя на свои трясущиеся руки, которые не могли ровно налить кофе, он понял, что больше не выдержит этого в одиночку. Решение поехать к её маме пришло не как мысль, а как физический импульс — сжатие в груди, потребность в точке опоры. Его собственная реальность трещала по швам, заливаясь белым шумом её безумных писем. Ему нужен был свидетель. Нужно было узнать, он ли один такой, или мир действительно съезжает с оси.

Она открыла дверь почти сразу и посмотрела на него внимательно. Слишком внимательно.

Так смотрят не на гостя — так смотрят на человека, от которого ждут подтверждения своим страхам.

— Ты тоже это чувствуешь? — спросила она вместо приветствия.

Он просто кивнул, сглотнув ком в горле. Слов не требовалось. Она молча провела его на кухню. Всё было так же, как раньше: тот же стол, тот же чайник, тот же мягкий свет из окна. Но атмосфера была иной — воздух казался спёртым, наполненным немой паникой. Мама не стала предлагать

чай. Она подошла к буфету, достала оттуда не пачку, а целую стопку конвертов, перевязанных тонкой шерстяной лентой, и положила их на стол с тихим, окончательным стуком.

— Вот, — сказала она, и в этом слове была вся тяжесть этих недель. — Это от неё. Все, что приходило.

Он узнал почерк сразу. Но всё равно почувствовал, как внутри что-то ломается с тихим хрустом. Он протянул руку, но она сначала не двигалась, будто боялась прикосновения.

— Я сначала думала, что мне кажется, — продолжила она, глядя куда-то мимо него, в стену. — Что я просто старею, волнуюсь, дочка далеко... читаю между строк то, чего нет. Но потом... — она замолчала, перебирая уголки конвертов пальцами, на которых не было колец. — Потом я поняла, что не могу читать их подряд. Они... ускользают. Начинаешь читать одно — а в голове уже звучит другое. Они как... как если бы кто-то перемешал страницы её дневника за разные годы и прислал тебе в случайном порядке. Но это не дневник. Это письма. Сейчас. Мне. И я не понимаю.

Она наконец пододвинула к нему одно из пи-

сем сверху. Он развернул его. Читал медленно, чувствуя, как знакомый ужас, его личный, приватный кошмар, теперь отражается в глазах другого человека. Фразы начинали тему и бросали её на полуслово. Мысли пересекались, не соприкасаясь, как поезда на разных путях. В одном месте она будто обращалась к матери: «Мама, ты помнишь, как мы красили забор в тот год, когда цвели все яблони сразу?» — а через абзац, описывая узор на чашке, впадала в детский лепет: «А у меня новая куколка, у неё глазки закрываются, но я её боюсь, она ночью смотрит». Некоторые слова были подчёркнуты с такой яростью, что бумага рвалась, но подчёркнуто было не главное, а какое-то случайное «и» или «в».

— Я не понимаю, что она хочет сказать, — тихо, почти шёпотом произнесла мама. — И мне страшно, что я вообще перестаю понимать... кто она сейчас. Та ли это моя Аня, которая уезжала. Или... или что-то с ней случилось. Что-то, после чего человек перестаёт быть цельным.

Он поднял на неё взгляд. Впервые он увидел в её лице не то спокойствие, не ту мудрую, всепонимающую уверенность, что были её бронёй. Он увидел растерянность. Женщину, которая всегда знала дочь как саму себя, и теперь не узнавала её в этих ключьях слов. Это было страшнее любых её писем.

После этого письма стали приходить ещё реже, словно источник иссякал или сместился куда-то в сторону. Иногда между ними проходила неделя. Иногда — десять дней. Ожидание превратилось в чистейшую, выверенную пытку. Каждый день он просыпался с одним вопросом: «Придёт ли сегодня?». И ложился с

АХ НЕТ

одним ответом: «Нет». Он начал бояться звука шагов в подъезде — шаги почтальона стали звучать как шаги палача. Боялся почтового ящика — его щель теперь напоминала рот, который мог либо выплюнуть надежду, либо сохранить молчание, ещё более страшное. Он боялся и пустоты, и наполненности, потому что каждое новое письмо было не весточкой, а загадкой, отгадка к которой, он чувствовал, могла свести с ума.

Именно тогда, в эти долгие промежутки тишины, он впервые позволил себе подумать о том, о чём раньше не решался даже в самых тёмных уголках сознания. Что, возможно, дело не в письмах. И не в расстоянии. А в том, что с Аней происходит что-то необратимое. Что её разум, такой ясный и острый, рассыпается, как песочный замок под напором какой-то невидимой волны. Что она больна. Или что она там не одна, и не та сила держит её. И что времени, чтобы понять это, помочь ей, дотянуться до неё — у него остаётся всё меньше. С каждым днём, с каждым обрывистым письмом, связь не укреплялась, а истончалась, превращаясь в паутинку, которая вот-вот порвётся, оставив его в тишине навсегда. И эта тишина уже не казалась ему мирной. Она виделась ему бесконечной, бездонной, и в ней не было даже эха её голоса.

Глава 7. Тишина становится громкой

Сумасшествие. Как оно приходит? Не громом с ясного неба, а тихой плесенью, прорастающей в углах сознания. Сначала это было похоже на усталость, на последствия бессонных ночей, ког-

да мир покрывается лёгкой, дрожащей плёнкой. На то состояние, когда мысли путаются, а тело живёт отдельно от головы, выполняя команды с опозданием в полсекунды. Он убеждал себя, что всё временно. Что нужно просто выспаться. Просто отвлечься. Просто перестать перечитывать письма, которые уже выжгли себе дорожки в мозгу.

Но письма больше не жили в коробке. Они жили в нём. Они прорастали сквозь кожу. Он видел их повсюду: белесые прямоугольники, мелькающие краем глаза на тёмном паркете, как мышиные хвосты. Угол конверта, отражавшийся в чёрном зеркале окна ночью. Иногда, в полудрёме, ему казалось, что на кухонном столе лежит только что пришедший конверт — он оборачивался, делал шаг, уже чувствуя шершавость бумаги под подушечками пальцев, уже слыша шелест... и натыкался лишь на холодную, пустую, убийственно гладкую столешницу. Разочарование было настолько физическим, что вызывало лёгкую тошноту.

По ночам квартира оживала. Не она — её тень, её негатив. Скрип в коридоре был не просто звуком усаживающегося дерева. Это была медленная, тягучая нота — будто кто-то невероятно осторожно, сантиметр за сантиметром, открывает дверь, затаив дыхание. Он лежал впотьмах, не дыша, считая удары собственного сердца, пока они не сливались в сплошной, глухой гул в висках, похожий на шум моря в раковине. Иногда скрип затихал сам, оставляя после себя звенящую пустоту. Иногда он вскакивал, босиком шёл по ледяному полу, сердце колотясь где-то в горле, — и натыкался на плотно притворённую, не-

подвижную створку. Но однажды дверь в спальню была приоткрыта. Всего на пару сантиметров. Он был уверен, что закрыл её. Абсолютно уверен.

Однажды ночью он проснулся не от звука, а от его отсутствия — от леденящего, пронизывающего холода, ворвавшегося под одеяло. Ветер гулял по квартире, хлопал дверцей шкафа, перелистывал страницы оставленной на столе книги. Окно на кухне было распахнуто настежь. Он точно, до боли в суставах пальцев, помнил, как зашёлкивал щеколду, проверял дважды. Стоял посреди кухни, ощущая, как ледяной воздух режет лёгкие, как мокрая от дождя занавеска хлещет его по лицу, и вдруг заметил, что горит свет. Не яркий верхний, а тусклый, жёлтый свет под старым тканевым абажуром над столом. Свет, который они включали только за ужином.

— Горел свет?

— Я выключал.

— Ты уверен?

— Уверен ли ты вообще в чём-нибудь?

Музыка. Он слышал её снова. Тихо, на самой границе слуха, но не в ушах — в самой середине черепа. Потрескивание иглы по канавке, бархатные басовые ноты, знакомый до слёз голос певицы. В квартире не было проигрывателя. Аня увезла его с собой, оставив после себя лишь квадрат пыли на полке. Звук был призрачным, эфемерным, но память о нём была настолько плотной, материальной, что перешла реальность. Он ловил себя на том, что сидит, зажмурившись, и слушает эту тишину, наполненную несуществующей музыкой, и чувствует себя ближе к ней, чем когда читает её письма.

На работе это заметили мгновенно. Он стал похож на потрёпанный, оголённый провод под смертельным напряжением: дёрганий, резкий, искрящийся в самый неподходящий момент. Забывал, о чём говорил минуту назад, и впадал в ступор, уставившись в пустоту, где плавали обрывки её почерка. Перечитывал одну и ту же строку в отчёте десять раз, и слова рассыпались на бессмысленные слоги, превращаясь в абстрактные узоры. Коллега что-то спросил о сроках — он не ответил, уставившись в пространство за его левым ухом, где, как ему показалось, мелькнула тень. Спросил ещё раз, осторожно коснувшись его плеча.

— Я СЛЫШУ! — выкрикнул он, отшатываясь так резко, что стул заскрипел и едва не опрокинулся.

В кабинете повисла гробовая, неловкая тишина, которую тут же попытались заполнить натужным стуком клавиатур. Люди отводили взгляды, делая вид, что углубляются в мониторы, в бумаги, в чашки с остывшим кофе. Кто-то неловко пробормотал что-то вроде «нервничаем», но шутка умерла, не родившись, задохнувшись в тяжёлой атмосфере. Он понял, что сорвался, что перешёл какую-то невидимую, но прочную черту, но извиняться было поздно и бессмысленно. Через час его вызвал начальник. Он шёл по коридору, чувствуя, как спину пронизывает холодный пот, а взгляды коллег, невидящие и в то же время всё видящие, жгут её, как солнечные лучи через лупу.

— С тобой что-то происходит, — сказал тот без предисловий, не предлагая сесть. В его голосе не было злости или раздражения, лишь усталая, профессиональная констатация факта, как врач, сообщающий о неизлечимой болезни. — Это стало мешать не только

тебе. Всё валится из рук. Ты не здесь. Ты... — начальник поискал слово, — ты опасен. Для проекта. Для себя.

Его отпустили. Не уволили — отстранили. Аккуратно, без скандала, вытолкнули из общего, здорового потока, потому что он начал создавать опасные, безумные вихри, способные затянуть других. «Бери выходные. Неделю. Приведи себя в порядок. Сходи к врачу». Он вышел из кабинета с ощущением, что дверь за его спиной не просто закрылась, а захлопнулась на тяжёлый, антивандальный засов, отсекая его от мира нормальных, спокойных, цельных людей.

В тот вечер он разбил кружку. Не просто уронил — выпустил из рук, будто пальцы сами разжались, отторгнув память. Та самая, толстая, с синими полосками по ободку, из которой он пил кофе, когда они вместе сидели на полу и наблюдали, как город зажигает огни. Она упала, описав в воздухе короткую, немую дугу, ударились об кафельный пол на кухне с чистым, ясным, почти музыкальным звуком — и рассыпалась. Не на несколько частей, а на десятки, сотни острых, белых осколков, разлетевшихся по всему полу, впившихся в линолеум и в нижние панели шкафов, сверкнувших под светом, как осколки льда. Он стоял и смотрел на это белое крошево, на эту маленькую смерть обыденного счастья, и чувствовал не горечь, не ужас, а странное, леденящее, опустошающее облегчение.

— Вот.

— Что?

— Теперь внутри и снаружи одинаково.

Друзья начали приходить чаще, с опасливой, вымученной решимостью. Садились с ним на кухне,

заставляли есть принесённую еду, говорили о футболе, о политике, о новых фильмах — о чём угодно, лишь бы заполнить тишину, которая в его присутствии становилась плотной, звенящей, как натянутая струна. Он кивал, пытался улыбаться в нужных местах, но его взгляд постоянно скользил мимо них, к окну, к двери, к тому месту на полу, где он отскоблил остатки кружки, но которое теперь виделось ему чёрной дырой. Один из них, самый прямой и всегда говоривший правду в лоб, однажды задержался, когда другие ушли. Помыл чашки, вытер стол и, не садясь, сказал, глядя ему прямо в глаза, которые были слишком блестящими, слишком широко раскрытыми:

— Слушай, это уже не шутки. Ты... ты как будто не здесь. Ты говоришь, киваешь, но за твоим лбом — пустота. Или не пустота. Что-то другое. Ты смотришь на меня, а видишь что-то за моей спиной. Это пугает.

Он хотел возразить. Взорваться. Объяснить, что они просто слепые, что они не видят тонких нитей, протянутых через полстраны, не слышат тихого крика, доносящегося из-под слоёв бумаги и времени. Что между словами «дом» и «тишина» в её письмах прячется не метафора, а целая вселенная немого ужаса, в которую она проваливается. Но слова застревали в горле колючим, сухим комом. Он только покачал головой, и этот жест был таким беспомощным, что друг отвёл глаза.

— Ты не можешь так жить, — голос друга стал мягче, почти шёпотом, как будто он боялся спугнуть хрупкое равновесие в комнате. — Ты всё время ждёшь удара. И смотришь в пустоту, как будто там кто-то есть. Или как будто ты ждёшь, что

оттуда сейчас протяняется рука с очередным письмом. Это кончится плохо. Понимаешь? Очень плохо.

По ночам, когда город затихал и становился похож на вымерший аквариум с тусклым светом фонарей вместо водорослей, ритуал повторялся. Он доставал коробку из-под обуви, теперь уже потрёпанную, с отклеивающимися уголками. Вытряхивал на пол стопку писем. Раскладывал их не по датам — даты потеряли смысл, — а по оттенку пожелтения бумаги, по степени помятости конверта, по длине строк, как гадалка раскладывает карты. Он искал не закономерности — шифр. Послание, зарытое в этом безумии. Повторяющиеся слова он выписывал на огромный лист ватмана, который прикрепил к стене. Лист покрылся призрачным, паутинным лесом из заглавных букв: «ДОМ», «ВРЕМЯ», «ТИШИНА», «МУЗЫКА», «ШАГИ», «ОКНО», «ЛИЦО». Он соединял их стрелками, подчёркивал, обводил в круги, пока страница не начала напоминать бредовую карту звёздного неба, нарисованную параноиком. Он читал письма до изнеможения, пока буквы не начинали ползти по странице, как чёрные, жирные муравьи, складываясь в нечитаемые, зловещие руны. Голова раскалывалась от боли, за глазами давило, в горле стоял кислый ком тошноты, но он не останавливался.

— Здесь что-то есть! — бормотал он себе, водя дрожащим пальцем по строчкам. Между «лесом» и «окном»! Между «вчера» и «завтра»!

— Или, — и этот вопрос прозвучал уже беззлобно, почти по-дружески, — ты просто отчаянно хочешь, чтобы всё это действительно было правдой. Чтобы эти странности и знаки имели какой-то высший смысл, какой-то тайный порядок. Чтобы она там, в одиночестве, не просто медленно сходила с ума, а действительно общалась с чем-то большим, чем стены её тихого дома?

— НЕТ! Я ЧУВСТВУЮ! ЗДЕСЬ!

Он начал писать ей каждый день. Иногда по три, по четыре письма за сутки. Короткие, отрывистые телеграммы, полные невысказанной ярости и страха: «Что с тобой?», «Ответь!», «Ты там?». Длинные, бессвязные исповеди, где слова выливались потоком, не успевая за мыслями, путаясь, перекрывая друг друга, как её письма, — он становился её зеркалом, её отражением в этом безумии. Резкие, почти истеричные требования: «Немедленно ответь! Назови место!». Слезные, детские мольбы: «Пожалуйста, просто скажи, что ты жива. Одно слово. Любое».

Он выводил буквы с болезненной, почти религиозной тщательностью, как монах-переписчик, будто от чёткости почерка, от правильности наклона зависела сама возможность достучаться, пробить эту стену тишины. Складывал, заклеивал, относил на почту — и каждый раз это действие казалось последней соломинкой, брошенной в бездонный, чёрный колодец, откуда не доносится даже звука падения. Ответов не было. Неделя. Две. Три.

Тишина в ответ на его крики была абсолютной.

И тогда тишина перестала быть просто отсутствием звука. Она стала субстанцией. Густой, вязкой, как смола, давящей на барабанные перепонки изнутри, заполняющей лёгкие вместо воздуха, так что каждый вдох давался с усилием. Она звучала в каждом скрипце половиц, в гуле холодильника, в собственном свистящем, неровном дыхании. Она стала единственным, что он слышал. И однажды, в предрассветные часы, он снова услышал музыку. Не память — настоящий, чёткий, физический звук. Тихое, ритмичное потрескивание, за которым следовала знакомая мелодичная фраза. В абсолютной тишине спальни, где даже часы на тумбочке не тикали (он вынул батарейку, не вынося этого звука). Он замер, стоя посреди комнаты босиком, и холод, настоящий, полярный холод, пополз от копчика вверх по позвоночнику, сковывая мышцы. И тут же, в следующее мгновение, понял — это не музыка. Это тишина, которая научилась притворяться музыкой. Она настолько въелась в него, так глубоко проросла в нейроны, что обрела голос, чтобы мучить его изнутри. Это был звук его собственного распада.

И письма перестали приходить совсем. Окончательно. Почтовый ящик в подъезде каждый день зиял пустотой, чёрной, гладкой, насмешливой. Он был как рот, который раз за разом беззвучно выдыхал в его лицо одно и то же слово: «НЕТ». День. Два. Неделя. Он проверял его по пять, по шесть раз в день, спускаясь босиком по холодным ступеням, каждый раз надеясь и каждый раз содрогаясь от этой надежды, потому что она была самой изощрённой пыткой.

Эта пустота была хуже любых странных писем. Она была могилой без тела. Концом истории без точки.

А потом пришло письмо.

Он понял, что оно другое, ещё не донеся его до квартиры. По весу — неестественно лёгкому, почти невесомому, будто в конверте запечатана не бумага, а горсть пепла. По тактильному ощущению — конверт был тонким, шершавым, дешёвым, и лежал в руке как чуждый, опасный предмет, словно в нём запечатана порция отравленного воздуха. Но главное — по реакции тела. Сердце не забилось чаще от предвкушения. Оно, наоборот, сжалось в ледяной, болезненный комок, будто предчувствуя удар. Адреналин выбросился в кровь, но не дал энергии, а парализовал — тело узнало катастрофу раньше разума.

В квартире он долго не решался вскрыть. Положил конверт на стол. Сел напротив. Смотрел. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь грязное окно, лёг на него жёлтым прямоугольником, и в этом свете конверт казался древним, как папирус. Наконец, дрожающими, не слушающимися пальцами он надорвал край.

Внутри лежал не лист. Клочок. Вырванный, кажется, из блокнота, с неровным рваным краем. Попчерк был не просто небрежным. Он был раненым. Буквы косились, падали, налезали друг на друга, будто их выводила рука, не помнящая, как это делать. Слова располагались криво, беспорядочно, словно ей не хватало ни места, ни времени, ни сил.

Всего одна строка.

Без обращения. Без подписи. Без даты.

Два слова, написанные с диким, отчаянным наожимом, продавившим бумагу.

ГДЕ Я?

Он перечитал. Медленно, впитывая каждую чёрточку, каждый изгиб. Потом ещё раз, вслух, шёпотом, и его собственный голос прозвучал чужим, хриплым. Потом ещё — уже не понимая смысла, не анализируя, лишь впитывая чистую, неразбавленную эмоцию, этот немой, запертый в чернилах крик, этот ужас, сконцентрированный в букве «Я», которая была выведена с таким наjjимом, что больше походила на кляксу, на рану.

ГДЕ Я.

Это был не вопрос о местоположении. Не о географии, не о «в какой деревне». Это был вопрос идентичности, растворённой во тьме. Крик души, забывшей своё имя, своё место в мироздании, оторванной от всех координат — и пространственных, и временных. Это был звук полного распада. Или полного прозрения, которое неотличимо от распада.

Волна абсолютного, леденящего холода накрыла его с головой, выбив остатки воздуха из лёгких одним резким, судорожным выдохом. Мысли не побежали, не засутились — они рассыпались. Просто рассыпались, как та самая фарфоровая кружка, превратившись в острые, не связанные между собой осколки, которые резали изнутри. В груди, под ребрами, образовалась пустота. Абсолютная, зияющая, бездонная. Не тоска, не боль — именно пустота. Будто кто-то вырвал оттуда всё, что было тёплого, живого, человеческого, и оставил только чёрную дыру, в которую теперь засасывало весь мир.

ГДЕ Я?

Он медленно, как в замедленной съёмке, как в са-

мом страшном из своих кошмаров, опустился на пол. Колени подкосились сами, удариив о жёсткий паркет с глухим стуком. Он не почувствовал боли. Он чувствовал только этот всепроникающий холод, сковывающий мышцы, и тишину. Тишину, которая после этих трёх слов, после этого чудовищного вопроса, стала оглушительной. Она звенела в ушах, давила на виски, заполняла собой каждую молекулу воздуха в комнате. Она была громче любого крика.

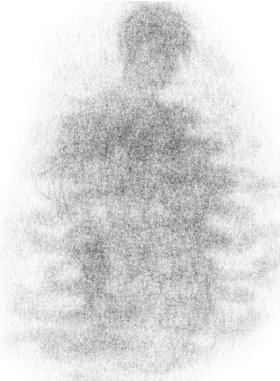
Он сидел на полу, прижав к груди тот самый клочок бумаги с двумя словами, и смотрел в пустоту перед собой. И впервые за всё это время — за месяцы ожидания, тревоги, безумия — до него дошла простая, окончательная, убийственная истина.

Это уже не было страхом за неё. Это не было тоской или отчаянием.

Это было начало конца. Его конца. Потому что если она не знает, где она, то и он теряет последнюю точку опоры в этой реальности. Если её «Я» потерялось, то и его собственное «Я» теперь висит в пустоте, не имея никакой привязки.

И в этой оглушительной тишине, под взглядом этого вопроса, написанного её рукой, которая уже не была её рукой, он сам начал исчезать.

Где я?

ЧАСТЬ IV. ДОРОГА

Глава 8. Решение ехать

Письмо с двумя словами лежало на полу, как выпавший из груди осколок льда. Он не знал, сколько просидел так, прижав к груди этот клочок бумаги, в котором кричал весь её мир, разваливающийся на части. «ГДЕ Я?» — этот вопрос жёг ладонь, прожигал взгляд, отдавался гулом в пустой голове.

Он не плакал. Слёзы были бы облегчением, катарсисом. Вместо этого внутри образовалась чёрная, зияющая шахта, куда проваливалось всё: страх, любовь, надежда, даже боль. Осталась только тишина. Но не та, прежняя, давящая тишина ожидания. А новая — густая, тяжёлая, как свинец. Тишина после взрыва.

Он поднялся с пола. Движения были медленными, точными, будто тело работало на остатках какого-то аварийного топлива. Положил клочок на стол, рядом с пустой коробкой из-под обуви. Достал телефон. Рука не дрожала. Он нашёл номер её матери и набрал.

Первым делом он позвонил маме Ани. Не для утешения, а потому что она была единственным человеком, вовлечённым в эту катастрофу наравне с ним.

Она ответила на третий гудок.

— Пришло письмо, — сказал он. Его голос был ровным, усталым.

Короткая пауза.

— И что пишет? — спросила она. В её тоне не было тревоги. Была усталая готовность.

— Два слова. «Где я?» — он прочитал их монотонно, как диагноз из лаборатории.

На другом конце провода воцарилась тишина. Но не шокированная. Вдумчивая.

— Понятно, — наконец произнесла мама. Её голос был спокоен. Чрезвычайно спокоен. — Значит, дошло до этого.

— До чего? — спросил он, но уже без ожидания, что получит понятный ответ.

— До вопроса, на который мы с тобой не можем ответить, сидя здесь. — Она сделала небольшую паузу. — Ты ведь хранил все её сообщения? И письма?

— Да.

— Значит, у тебя есть её путь. Отсюда и до... того места. Шаг за шагом.

— Да, но...

— Но что? — она перебила его мягко, но неумолимо. — У тебя есть карта. У тебя есть причина ехать — этот вот вопрос. Чего ты ждёшь?

Её спокойствие было оглушающим. Оно не оставляло места его растерянности.

— Я не знаю точного адреса, — сказал он, и это прозвучало жалко даже в его собственных ушах.

— А я знаю? — её голос сохранял ту же равнную, почти педагогическую интонацию. — Аня и мне не сказала. Но она оставила следы. Бумажные, цифровые. Для кого, по-твоему? Для архивов? Нет. Для того, кто захочет её найти.

— Ты думаешь, она... хотела, чтобы я её нашёл?

— Я думаю, что она надеялась на это. Но теперь она, судя по всему, не способна даже на надежду. Она способна только на этот во-

прос. Значит, время раздумий кончилось.

Она говорила так, будто обсуждала план поездки на дачу: логично, безэмоционально, выводя единственно возможное следствие из имеющихся фактов.

— Я боюсь, — признался он тихо, впервые за долгое время назвав этот страх вслух не перед зеркалом, а перед живым человеком.

— И правильно делаешь, — ответила она без тени осуждения. — Бояться — нормально. Но позволять страху парализовать себя, когда кто-то теряется в тумане — безответственно. По отношению к ней. И по отношению к себе. Просто подумай об этом.

Она вежливо попрощалась и положила трубку. Разговор длился три минуты. За эти три минуты она не сказала ничего утешительного. Она просто расчистила пространство для решения, как расчищают снег скрыльца.

Он сидел, глядя на телефон. Её спокойствие было заразным. Оно не вселяло надежды — оно вселяло холодную, ясную необходимость. «Безответственно». Слово висело в воздухе, тяжелое и неоспоримое.

Вечером, почти как по расписанию, пришли друзья. Видимо, его голос в трубке днем выдал больше, чем он думал. Они вошли без стука — у него всегда была открыта дверь для своих.

Один из них сразу увидел клочок на столе. Подошел, прочитал. Свистнул.

— Жесть. Ну и что?

— Что «ну и что»? — он не понял.

— Ну, она явно не в себе. Пишет такое. Ты что, будешь сидеть и ждать, пока она вообще замолчит на всегда?

Он молчал.

— Серьёзно? — другой друг сел напротив, уставился на него. — Ты, такой умный, всю эту хрень с письмами месяц разбирал, нервы всем потрепал, а сейчас, когда дошло до реального «SOS», тушишь? Ты чего ждешь? Письменного приглашения с координатами?

— Я не знаю, куда ехать, — повторил он свою мантру, но теперь она звучала как отговорка слабака.

— А! — первый друг хлопнул себя по лбу с комичным отчаянием. — Не знаешь! Значит, надо сидеть на жопе ровно! Логика железная

— Может, это опасно, — попробовал он.

— Конечно опасно! — не дал договорить второй. — Может, она в sectu попала. Может, сама сошла с катушек. Сидеть тут и гадать, что опаснее — поехать или остаться, — это самая большая опасность. Для твоего рассудка. Мы тебя уже почти похоронили. Не устраивай вторые проводы.

Они не уговаривали и не утешали. Они его строили. Грубо, без церемоний, тыча носом в очевидное. Их аргументы были примитивны, как кувалда, и так же эффективны. В их словах не было сочувствия к его страхам — было презрение к его бездействию.

Когда они ушли, в квартире повисла не тишина, а звонкая пустота, которую нужно было чем-то заполнить. Он подошел к шкафу, достал свой старый походный рюкзак. Действовал на автомате. Теплые вещи. Фонарь. Нож. Пауэрбанки. Документы.

Потом сел за стол, открыл ноутбук. Открыл переписку с Аней. Не как архив боли, а как рабочий документ. Выписал в блокнот цепочку: станция, время, описанный ориентир. Составил список. Первая точка. Вторая. Третья.

Это была не детективная гонка. Это была методичка. План, составленный из обрывков её прошлого.

Он лег спать рано. Проснулся до рассвета. Собрал последние мелочи в рюкзак. Положил тот самый клочок в водонепроницаемый чехол и сунул во внутренний карман. На перроне было холодно и пустынно. Он купил билет до первой станции из его списка. Наконец-то он перестал быть пассивным зрителем в своей собственной трагедии. Он стал участником. Пусть и с опозданием.

Глава 9. По следам

Он выехал на рассвете, когда город был похож на негатив: тёмные силуэты зданий на серо-синем стекле неба. Спешки не было — было физическое, почти тошнотворное неприятие четырёх стен. Квартира стала ловушкой, где каждая знакомая вещь молча укоряла его в пассивности. Дорога была не побегом, а первым за долгое время осмысленным, направленным действием. Физическим подтверждением того, что он еще жив и способен что-то делать.

В поезде он занял место у окна. Город таял за

стеклом, уступая место сначала промзонам, потом редким, сонным посёлкам, потом просто полям и перелескам, над которыми стоял утренний туман. Он открыл переписку. Теперь это был не архив боли, а полевой журнал, криминалистическая карта. Он в блокноте вычерчивал схему: время отправки сообщения, примерная геолокация (когда она была), описанные детали — запахи, звуки, приметы. Маршрут начал проступать не как чёткая линия, а как пунктир — точки её недавнего присутствия, соединённые долгими паузами неизвестности.

Первая точка. Пересадка. Станция «Дубовая».

Он вышел на почти пустую платформу, оглушённый внезапной тишиной. Воздух пах елкой, угольной пылью и сладковатым дымком. Станция была точь-в-точь как на её снимке: жёлтое здание вокзальчика, пара выцветших скамеек, киоск с кривой надписью «Выпечка». Она писала про пирожки с капустой и яйцом. Он купил. Тесто было толстым, чуть подгорелым снизу, начинка — простой, но сытной.

Он купил. Тесто было толстым, чуть подгорелым снизу, начинка — простой, но сытной. Бабушка в клетчатом платке, хмурая, пересчитывала сдачу, не глядя на него.

— Часто такие пирожки печёте? — спросил он, разминая паузу.

— А кому ж ешё? — буркнула та.

— Раньше народ был, сейчас — раз в день поезд, да и тот проходной.

— Девушку не припоминаете, фотографировала ваш киоск? — он осторожно показал фото Ани на телефоне.

Бабушка бросила короткий, равнодушный взгляд.

— Не. Не припоминаю. Народу мало, всех помню. Такой не было.

Он кивнул, не разочаровавшись. Сравнил раркус её фотографии с реальностью — совпадало идеально, вплоть до скола на углу киоска. Он сделал первую запись в блокноте: «Точка 1: Ст. Дубовая. Киоск, пирожки. Место подтверждено визуально. Продавщица не помнит. След имеется.»

Вторая точка. Кафе «У Олега» в посёлке Лесной.

До него он добрался на попутном автобусе, старом и пустом. Кафе было именно таким: низкое деревянное здание, синяя потрескавшаяся вывеска, занавески в клетку. Внутри пахло жареным луком и старым деревом. Она писала про лысеющего официанта и суп. Официант был молодой, с наушником. Суп в меню значился как «борщ по-домашнему». Он заказал и сел за стол у второго окна — тот самый, из её описания. Вид был тот же: грунтовая дорога, упирающаяся в стену хвойного леса. Он сравнил фото: тре-

щина на столешнице, пятно на занавеске, даже сколотый уголок тарелки на соседнем столике — всё совпадало. Место дышало узнаваемостью. Его охватило странное, почти мальчишеское чувство победы: он не гонялся за фантомом. Он шел по твердой земле.

— Часто тут люди останавливаются? — спросил он у официанта, когда тот принёс кофе.

— Кто как. Дальнобойщики в основном. Редко кто один, как вы.

— А девушка, может, месяца четыре назад? Худенькая, тёмные волосы? — он не удержался, показав фото Ани на экране.

Парень пригляделся, покрутил наушник, потом покачал головой.

— Не, не припоминаю. Одних мало ездит. Вы точно не путаете?

Людей много, официант мог смениться. Он сделал запись: «Кафе «У Олега». Интерьер совпадает до деталей. Персонал другой. Не помнят.»

Третья точка. Автостанция в посёлке Сосновка. Её она описывала как место долгого и томительного ожидания.

«Просидела здесь три часа. Ни души. Только старик на лавочке дремал да воробы клевали крошки. Кажется, время здесь течёт вполовину медленнее. Но зато какая тишина... Она гудит в ушах».

Её она описывала как место томительно-го ожидания, где «время течёт вполовину медленнее». Автостанция оказалась бетонным бункером с расписанием, написанным от руки мелом на грифельной доске. Лавочка была — старая, зелёная, облупленная. Он сел. Тишина действительно была густой, гулкой, нарушающей лишь далёким карканьем вороны. Всё совпадало с описанием — даже количество трещин в бетоне у входа он насчитал примерно такое же, как на её фотографии.

К бункеру подошёл старик в стёганой куртке, с палкой. Тот самый или просто очень похожий?

— Давно автобус? — спросил он.

— Через час, — хрипло ответил старик, садясь на дальний конец лавочки.

— Часто тут народ ждёт?

— Кто его знает. Мало кто сюда едет. Да и зачем?

— Может, девушку видели? — он снова протянул

телефон.

Старик поднёс его к самым глазам, долго смотрел, моргая мутными, влажными глазами.

— Нет, сынок. Не видел. Таких тут не бывает. — Он отдал телефон и уставил на дорогу

Он не просто не помнил. Он утверждал, что таких «тут не бывает». Как будто Аня была призраком, не оставляющим следов в памяти людей.

Вместо обескураживания это его лишь подстегнуло. Люди забывчивы. Места — нет. Он сверял каждую деталь: трещину в бетоне, форму урны, скол на краю лавочки. Всё сходилось. Значит, он на верном пути. Значит, её стирание из памяти окружающих — часть той же странности, что наполняла её поздние письма. Это не провал, а улика.

Четвёртая точка. Рыночек в городе N.

Следующей точкой по её переписке был небольшой городской рынок, где она купила «яблочки, которые пахнут как в детстве, и странную газету с устаревшими новостями». Он нашел его без труда — он был единственным в городе. Запах спелых яблок, квашеной капусты и вяленой рыбы витал в воздухе. Он купил яблоко у пожилой женщины с добрым, уставшим лицом.

— Яблочки хорошие, — сказал он.

— Свои, с дачи, — улыбнулась она. — Раньше их больше брали. Сейчас народ на импортный глядит.

Он показал фото.

— Ой, — женщина ожила. — Милая какая девушка. Да, помню её. Покупала у меня яблоки. Говорила, что пахнут, как в детстве. Приятная такая.

Сердце у него ёкнуло. Первое признание!

— Это когда было? — старался говорить спокойно.

— Да недавно... Недели две назад, наверное. Может, три. Точнее не скажу, время-то летит.

Он замер. Две-три недели? Но Аня уехала больше четырёх месяцев назад. А её последние связные письма приходили два месяца назад. Женщина явно путала.

— Вы уверены? Может, это было раньше? Летом?

Женщина задумалась, потерла виски.

— Летом? Нет, не похоже. Было уже прохладно. Она в куртке была. Да и яблоки-то поздние. Всё-таки недавно

К вечеру он добрался до небольшого городка — конечной точки этого отрезка пути по её переписке. Нашел гостиницу, которую она упоминала (««Горизонт», вывеска моргает, но внутри чисто»). Вывеска и правда моргала. Но номер был скромным, с видом на темнеющую улицу.

Он поблагодарил её коротким кивком и отшёл от стойки, медленно удаляясь к выходу и пытаясь осмыслить странную смесь внезапного воодушевления и накатившего лёгкого головокружения, которая теперь наполняла его целиком. Видимо, женщина запомнила вовсе не

Аню, а кого-то другого, кто был очень похож на неё лишь случайным, но таким обманчивым сходством.

К вечеру он добрался до небольшого городка — конечной точки этого отрезка пути по её переписке. Нашёл гостиницу «Горизонт». Вывеска, как и писала Аня, моргала, выхватывая из темноты то букву «О», то «Р». Номер был скромным, но чистым.

Он разложил на кровати блокнот, телефон, распечатанные фото. Линия маршрута теперь не была абстракцией. Он прошёл по ней физически. Он видел те же камни, дышал тем же воздухом, сидел на тех же лавках. Мир из расплывчатого кошмара стал осозаемым, последовательным. Да, были странности: люди не помнили, или помнили с хронологическими ошибками. Но места — помнили. Стены, заборы, трещины в асфальте хранили отпечаток её присутствия.

Он открыл новое сообщение в телефоне. Не Ане. Самому себе. И написал: «День первый. Точки А, Б, В, Г подтверждены. Места — точное совпадение по деталям. Люди: либо не понят, либо не видели. Вывод: её след реален. Но в памяти людей он либо стирается, либо...» Он не стал додумывать.

Он лёг спать, и впервые за многие недели сон пришёл быстро, без борьбы с бессонницей. Не потому что исчез страх, а потому что появилась работа. Чёткая, методичная, поглощающая всё его внимание. Он был на охоте. И у охоты есть свои, суровые правила и свое холодное утешение.

За окном шумел чужой город, но это был шум продолжения пути. И в этой мысли была не эйфория, а холодная, ясная уверенность следователя, нащупавшего первую нить. Он не просто ис-

кал. Он обнаруживал систему. А где есть система — там есть и ключ. Даже если этот ключ открывает дверь в нечто совершенно немыслимое.

Глава 10. Несовпадения

Сначала это была просто нестыковка. Та самая, на которую можно махнуть рукой со снисходительной усмешкой: «Память человеческая — штука ненадежная». Если, конечно, ты не одержим поиском единственной истины до такой степени, что готов выискывать иголки в стоге сена даже в кромешной тьме.

Он стоял на той самой грунтовой дороге, что вела от последней автобусной остановки вглубь ничейных земель. В руке — телефон с её фотографией, которую он знал наизусть. Кадр был снят именно отсюда: в фокусе — ржавая остановка с покосившейся табличкой «Пос. Ясный», деревянная скамейка с вырезанными сердцами, чёрная, матовая, прохудившаяся урна с характерной вмятиной на боку, будто по ней ударили ломом. Она подписала: «Цивилизация закончилась. Добро пожаловать в никуда».

Он медленно оторвал взгляд от яркого экрана телефона, машинально заслоняясь ладонью от низкого, слепящего солнца, которое висело над горизонтом, заливая комнату тяжёлым, почти осязаемым светом.

Скамейка — та самая. Даже скол на левой ножке совпадал, похожий на улыбку. Табличка висела под тем же немыслимым углом, будто вот-вот оторвётся.

Но урна... была синей. Яркой, пластиковой, новенькой, будто только что из упаковки. Без еди-

ной царапины, без вмятин. Она сияла неприлично чистым цветом на фоне всеобщего запустения.

— Заменили, — тут же выдавил он вслух, и голос прозвучал слишком громко в звенящей тишине. — Естественно. Прошло время. Сломалась, заржавела, заменили.

Логично. Рационально. Но где-то в глубине солнечного сплетения, в той точке, где обычно рождался страх, зашевелился холодный, цепкий червь сомнения. Он подошёл ближе, присел на корточки. Новая урна была вкопана в землю основательно, по самую горловину. Старую просто вырвали бы, оставив свежую, рыхлую яму. Здесь же грунт вокруг был утоптан, плотный, поросший у краёв жухлой травой, будто синяя урна стояла здесь не месяцы, а годы. Он прошёл рукой по земле. Холодная, слежавшаяся глина.

Он двинулся дальше по дороге, сверяясь с другим фото. Дом с «белыми, как кружево, наличниками», который она называла «местным шедевром забытого искусства». Дом стоял на своём месте. Та же покосившаяся крыша, поросшая бурым мхом, та же глубокая, зловещая трещина в каменном фундаменте, расходящаяся, как молния. Но наличники...

были не белыми. Они были густого, тёмно-зелёного, почти чёрного цвета, цвета хвои в сумерках. Краска облупилась пузырями и клочьями, обнажив снизу серую, прогнившую, трухлявую древесину. Это была не свежая покраска. Это была древняя краска, которая осипалась десятилетиями.

Он подошёл почти вплотную, поч-

ти прильнул к холодной стене. Провёл пальцем по растрескавшейся поверхности. Она осыпалась сухой, горькой пылью, пахнущей плесенью и старостью. Её не перекрашивали. Она всегда здесь была такой. Он это чувствовал кожей, костями, каждым нервом.

— Ты перепутал, — прошипел он себе, и голос сорвался на хрип. — Освещение на фото. Кон-траст. Искажение памяти. Ты смотришь на эти снимки до рези в глазах, мозг дорисовывает.

— На фото белое, — упрямо настаивало что-то внутри, тихое и неумолимое, как стук собственного сердца. — Чистое, выбеленное, как в деревне у бабушки. Как кружево. Кружево.

Это было уже не несоответствие. Это было прямое, наглое противоречие. Между осязаемым, холодным миром и запечатлённой, но теперь шаткой памятью. Между её правдой и его реальностью. И тихий червь сомнения начал прогрызать дыру в фундаменте его рассудка.

И тогда начались видения.

Сначала — краем глаза, на сельском рынке в последнем перед глушью посёлке. В толпе, пахнущей дымом, рыбой и влажной шерстью — мелькнувший профиль. Тот же чистый изгиб шеи, тот же резкий, нетерпеливый взмах руки, отбрасывающий чёрную прядь со лба. Сердце ёкнуло, выстрелив адреналином раньше, чем мозг успел проанализировать.

— Аня!

Он ринулся вперёд, расталкивая немых, не-

довольных людей, схватил девушку за плечо. Она обернулась — круглое, испуганное, совершенно незнакомое лицо, глаза, полные недоумения и страха.

— Извините... я... — он отпрянул, как от раскаленного железа, чувствуя, как жар дикого стыда заливает лицо и сжимает горло. — Перепутал.

Он отошёл в сторону и прислонился спиной к холодной, шершавой стене, чувствуя, как внутри подступает тошнотворный ком, сплетённый из унижения и первобытного ужаса. Это была галлюцинация, чистой воды, — пытался он убедить себя, — просто нервное истощение, накопленная усталость от хронического недосыпа и постоянного, изматывающего стресса, который давно перестал быть фоном и превратился в саму ткань его существования.

Потом — в полупустом, дребезжащем автобусе, последнем на маршруте. Она сидела через проход, у окна. Не глядя на него. Та же потрёпанная серая куртка, та же привычка подпирать подбородок сжатым кулаком, палец прижат к губам в задумчивости. Он не сводил с неё глаз, впитывая, сканируя детали: маленькая родинка на левой скуле, форма мочки уха, чуть неровный изгиб брови. Это была она. Он знал. Его тело знало, прежде чем ум успел возразить. Когда она поднялась на остановке с нечитаемым названием, он выскочил следом, не думая о своём рюкзаке, оставленном на сиденье. Шёл за ней по пыльной, пустынной улице, сердце колотилось так, будто хотело вырваться через горло и умчаться впереди. Она свернула за угол низкого гаража. Он почти бежал, дышал ртом, ворвался за угол. И наткнулся на глухой, пустой переулок. Зарос-

ший бурьяном по пояс. Ни души. Только старый, тощий кот, лениво вылизывающий лапу на покосившемся крыльце, равнодушно посмотрел на него.

— Ты сходишь с ума, — прошептал он, прислонившись к шершавой, холодной стене, чувствуя, как подкашиваются ноги. — Это галлюцинации. Слуховые, зрительные, нервный срыв. Ты должен взять себя в руки.

Но все разумные и рациональные объяснения, которые он пытался построить в своей голове, уже перестали работать, утратив всякую убедительную силу. Они были хрупки и ненадёжны, словно тонкий бумажный щит, беспомощно трепещущий перед ледяным, пронизывающим ветром наступающего безумия. Потому что мир вокруг, сама ткань реальности, тоже начала постепенно и неумолимо вести себя странно, начиная подыгрывать его галлюцинациям зловещим и точным эхом.

Он зашёл в кафе-закусочную, которое она описывала как «тихое, как склеп, только чашки звенят да чашки тикают с неправильным ритмом». Сейчас там гремела бодрая, дешёвая поп-музыка из колонок, громко смеялась и материлась компания дальnobойщиков у стойки. Хозяин, добродушный усатый толстяк в заляпанном фартуке, наливал ему мутный кофе.

— Давно здесь заведение? — спросил он, едва пересиливая грохот музыки.

— Да уж лет двадцать, как минимум! — хохотнул тот, протирая стакан. — Отец ещё основывал!

— Не было тут...тише раньше? Говорят, часы тикали громко.

Хозяин посмотрел на него с искренним, недоумением, будто он спросил про полёт на Луну.

— Да тут всегда народ, шум, гам! Какое тихо?

Он стал сверять всё с маниакальной тщательностью. Дерево на развилке дорог — на фото оно было молодым, с зелёной кроной. Сейчас стоял голый, обгорелый остов, явно погибший прошлым летом от удара молнии. Фонарный столб — на метр левее. Вывеска магазина — другой шрифт.

Каждое такое несовпадение было не по глазам, а по самому чувству реальности. По ощущению, что мир — твёрдый, неизменный, подчиняющийся законам. Будто он шёл не по пространству, а по старой, изношенной киноплёнке чужого воспоминания, которая местами порвалась, склеена неаккуратно, а в некоторых кадрах и вовсе вставлены куски из другого фильма.

А потом к зрительным добавились звуковые галлюцинации, более жуткие, потому что их нельзя было проверить взглядом. Где-то за спиной, в однобразном шуме ветра, рвущегося через телеграфные провода, ему на секунду чётко слышался её смех — тот самый, низкий, с лёгким присвистом на вдохе. Он замирал на месте, затаив дыхание, кровь стучала в висках. Тишина. Только ветер. Шёпот в ухе, когда он был абсолютно один на просёлочной дороге: «Не то-

ропись... ты всё испортишь...». Он оборачивался так резко, что позвонки хрустели, сердце падало в пропасть. Никого. Только бескрайнее поле да низкое, свинцовое небо. Запах её духов — лёгкий, холодный, цветочный аромат, который она называла «запахом первого снега» — налетал на него внезапно, в чистом поле, окутывал на миг и тут же уносился ветром, оставляя после себя только запах прелой травы и глины.

Ночью, в дешёвой каморке на краю посёлка, пришёл кошмар. Он шёл за ней по бесконечной улице, вымощенной её фотографиями, которые шелестели под ногами, как осенние листья. Она не оборачивалась, но он знал по спине, по походке, что это она. Каждый раз, когда он был готов дотронуться до её плеча, фотография под его ногой рвалась с сухим треском, и он проваливался в чёрную, беззвучную, липкую пустоту. Падал, пока не просыпался с тихим, хриплым вскриком, в ледяном поту, с бешено стучащим сердцем, высекающим из груди.

Утром, глядя на своё отражение в потрескавшемся, мутном зеркале над умывальником, он видел другого человека. Измождённое, осунувшееся лицо, тёмные, будто впалые круги под глазами, в которых горела уже не паника, а тусклый, но неукротимый огонь. Огонь не надежды, а одержимости. Несовпадения не остановили его. Не испугали. Они стали уликами другого, чудовищного порядка. Уликами не того, куда она ушла, а того, что с ней произошло. Мир вокруг не просто забыл её. Он... подстраивался. Стирал следы. Заменял детали на противоречавшие. Его галлюцинации были, возможно, не сбоем психики, а слабыми,искажёнными сигналами из той

самой, настоящей реальности, в которой она существовала. Или его разум, доведённый до предела, начал прорываться сквозь пелену этой всеобщей лжи.

Он вышел на дорогу на рассвете. Туман стлался по низинам, скрывая несовпадения. Дерево сгорело, урна была синей, наличники — гнило-зелёными, мост — разрушенным. Но где-то впереди, за этим туманом, за поворотом, который уже не совпадал с её описанием, должна была быть та самая, неизменная точка. Тот самый дом в лесу, откуда пришло письмо «ГДЕ Я?». И он будет идти. Даже если дорога под ногами будет меняться с каждым шагом. Даже если деревья будут менять расположение, а небо — цвет. Потому что остановиться сейчас — значило признать, что безумие не в мире, а в нём самом. А он уже слишком глубоко погрузился в этот кошмар, чтобы отступать.

Глава 11. Между

Он шёл дальше, и мир окончательно изменил свои законы. Это была уже не дорога, а какое-то промежуточное пространство. Воздух стал густым, обволакивающим, как сироп. Звуки глохли, будто поглощались ватной, беззвёздной тьмой: шуршание собственных шагов по щебню, редкий, одинокий крик хищной птицы где-то в вышине, даже стук собственного сердца в ушах звучал приглушённо, как из-под толстого стекла. Когда вдалеке появлялась редкая машина, он сначала видел облачко пыли, медленно ползущее по горизонту, потом уже слышал нарастающий, но всё равно далёкий,

будто из прошлого, гул двигателя. Машина проносилась мимо, а её шум не растекался в пространстве, а обрывался резко, как обрезанная нить. Наступала тишина — не природная, а искусственная.

Он остановился у старого указателя, вкопанного на развилке, где дорога расходилась надвое, как треснувшая кость. На её фотографии, присланной с подписью «Выбирай на вкус. Лево — в тайгу. Право — в никуда», указатель был почти новым, краска — яркой, ультрамариновой. Сейчас дерево было серым, потрескавшимся от солнца и мороза, буквы едва читались, будто их пытались стереть. И стрелка...

Он приложил телефон к реальности, совмещая линии. На фото стрелка, чёткая и ясная, указывала налево, в сторону узкой просёлочной дороги, теряющейся в чащобе сосен. В жизни ржавый железный наконечник был повёрнут направо, в сторону пустого, выгоревшего поля.

— Полгода, — пробормотал он, и его голос был плоским, лишенным убедительности даже для него самого. — Ветер, дожди, вандалы. Могло расшататься.

Но, присмотревшись, он увидел на обратной стороне деревянной доски, в стороне от старой, заросшей грязью дырки, свежие, светлые, не успевшие потемнеть следы от гвоздей. Рядом ваялся старый, изогнутый гвоздь. Кто-то недавно, очень недавно, выдрал его и перевернул указатель.

— Зачем? — его шёпот потерялся в густой, давящей тишине, не найдя эха.

Он свернул налево, следя старому, «её» направлению. Инстинкт, заглушённый, но не убитый логикой, подсказывал: правда всегда в нарушении навязанной, новой логики.

Через полчаса ходьбы, которая по ощущениям длилась вечность, он вышел к одинокому дому у дороги. Не тому, что искал, а просто дому — низкому, из силикатного кирпича, с покосившимся палисадником, где вяло, неестественно бледно росли георгины. В единственном окне горел тусклый, желтоватый свет, хотя на улице был яркий, неподвижный день. Он постоял, борясь с нелепой, детской надеждой, что вот здесь, наконец, будет простой ответ, живой человек, который всё объяснит, и постучал.

Дверь открыл пожилой мужчина в застиранной до серости домашней куртке. Лицо его было изрезано морщинами так глубоко, что казалось картой этих мест, а глаза были пустыми, как два высохших колодца.

— Извините за беспокойство, — начал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно и по-человечески. — Я ищу девушку. Молодую, с тёмными волосами. Она могла проходить здесь несколько месяцев назад. Может, спрашивала дорогу или воду.

Мужчина долго и бесстрастно смотрел на него, не моргая, будто видел сквозь него.

— Никто тут не проходит, — наконец произнёс он хрипло, голосом, похожим на скрип несмазанных петель. — Давно уже.

— Вообще никто? По этой дороге?

— Дорога есть. А людей по ней нет. Незачем им тут.

— Но вы же видите меня сейчас.

Мужчина медленно покачал головой, будто этот аргумент был не просто неверным, а кощунственным.

— Вы — это вы. А она — нет. Её не было.

Дверь закрылась перед его носом стихим, но неумолимымщелчком, похожимнащелчокпредохранителя.

Он отступил, и холодок, острый как лезвие бритвы, пробежал по позвоночнику. Это был не просто отказ. Это было отрицание самой возможности её существования здесь. Отрицание факта.

— *Он врёт*, — сказал он себе, но в голосе не было уверенности, лишь усталая констатация.

— *Или ты сам себе врёшь?* — отзвалось внутри, и на этот раз внутренний голос звучал не как обвинение, а как жалость.

Дальше он решил действовать системно, как робот, подавив в себе всё, кроме алгоритма поиска. Следующей точкой была заправка, которую она упоминала: «Старая, красно-белая колонка, как из фильмов про шестидесятые. Кажется, из неё до сих пор бензин пахнет счастьем». Заправка нашлась. Колонка действительно была красно-белой и древней. У выхода из крошечного, заброшенного магазинчика сидел мужчина в засаленной робе, курил, глядя в никуда.

— Здравствуйте, — начал он, подойдя, стараясь казаться нормальным. — Можно вас на минуту? Я разыскиваю знакомую. Девушка, лет двадцати пяти, худенькая. Могла заезжать сюда за водой

или просто отдохнуть месяца три-четыре назад.

Рабочий неторопливо выдохнул длинную, густую струйку сизого дыма, разглядывая его через прищуренные глаза так, будто перед ним сидело редкое, но совершенно неинтересное и уже мёртвое насекомое, которое не стоило и внимания.

— Девушек по этой дороге много проезжает, — буркнул он, пожимая плечами с показным равнодушием. — Мы их не запоминаем, мелькнут в окне и пропадают, как тени.

— Но у неё была очень, я бы даже сказал, болезненно запоминающаяся внешность, — он снова полез в карман за телефоном, лихорадочно листая галерею в поисках того самого снимка, и наконец протянул экран, показывая фото, которое застигло Аню в момент безудержного, солнечного смеха, застывшего теперь в пикселях как мучительное напоминание.

Мужчина бросил беглый, скользящий взгляд на экран и снова уставился вдаль, на пустую дорогу.

— Не было такой. Не припоминаю.

— Вы уверены? Может, она что-то покупала?

Спрашивала дорогу?

— Говорю же, не было. — Тон стал откровенно недружелюбным, в нём появилась стальная нотка. — Народ тут проезжий. Кто их запомнит? Ищите свою

пропажу в другом месте.

Он двинулся дальше, к придорожному кафе «Стрела». Оно совпадало с её описанием до жути: низкое, приземистое здание, табличка со стрелой, пробитой насквозь рыжей ржавчиной, будто раной. Внутри пахло десятилетиями жареного жира, тоской и одиночеством. За стойкой, покрытой липкой плёнкой, дремала женщина лет пятидесяти, с лицом, на котором застыло выражение вечного ожидания, которое никогда не закончится.

— Добрый день. Чашечку кофе, пожалуйста. И... можно вопрос?

Женщина кивнула, не меняя выражения, лениво включая древнюю кофемашину, которая загудела, как умирающий шершень.

— Я ищу девушку, она могла останавливаться здесь, — он снова показал фото, уже ненавидя этот жест, этот ритуал бесплодных надежд.

Женщина взглянула на экран, и в её глазах, тусклых, как старые пуговицы, на секунду мелькнуло что-то — не узнавание, а скорее... вспышка напряжения? Лёгкий, почти незаметный испуг? Она резко отвела взгляд, стала яростно вытирать и без того чистую стойку тряпкой.

— Нет, милок, не видела. У нас народ не задерживается. Поел — и в путь. Никто не заглядывает в глаза, не запоминается.

— Но вы так уверенно говорите, — он наклонился чуть ближе, и его голос сорвался на хрипоту. — Фотографию даже толком не посмотрели.

— А зачем смотреть? — она пожала плечами, но это был жест обороны, и её голос стал резче, выше. —

Черт

Не было её, и всё! Может, вам в другом месте искать?

Её реакция была иной. Она не была равнодушной, как другие. Она была уклончивой. Напуганной. Как будто знала что-то, но это знание было опасным, и она отчаянно хотела, чтобы он ушёл.

Обескураженный, с ощущением, что его вытолкнули в спину, он вышел и сел на пыльную лавочку у дороги. Солнце, которое должно было значительно сместиться за эти часы бесцельного хождения, словно застыло в зените, пригвождённое к небу. Тени от столбов были короткими, чёрными и неподвижными, как стрелки на сломанных часах. Он сверился с часами на телефоне. С момента разговора с мужчиной у дома прошло всего сорок минут. По внутренним ощущениям, по усталости в ногах и тяжести в груди — не меньше двух, а то и трёх часов. Время здесь не текло. Оно двигалось рывками, замирало, растягивалось и сжималось, как пружина в сломанном механизме.

Он закрыл глаза, пытаясь отогнать накатившую волну усталости, близкую к отупению, и червячков паники, копошившихся под черепом. Когда открыл — на секунду, на противоположном конце лавочки, мелькнул силуэт. Призрачный, дрожащий,

как мираж в пустыне, вытканный из солнечного света и пыли. Он успел разглядеть лишь смутный контур плеча, знакомый наклон головы, тень профиля.

— Не сейчас, — выдохнул он сквозь стиснутые зубы, вдавливая себя в твёрдую, неудобную спинку лавочки, чувствуя, как холодный пот выступает на спине. — Не сейчас, пожалуйста. Оставь меня.

Силуэт дрогнул и растаял, не оставив и следа, как пар на стекле. Но ощущение присутствия не исчезло. Оно не было рядом. Оно было впереди. Тянуло его вперёд, как невидимая, но неумолимая лебёдка. Он не видел её, но чувствовал её путь в пространстве, как чувствуют русло реки под землёй.

И тогда, сквозь густой, приглушённый, словноватный воздух, пробился звук.

Сначала он принял его за нарастающий шум в собственных ушах от переутомления. Потом — за далёкую, неровную работу дизельного генератора. Но ритм был слишком узнаваемым. Слишком личным. Слишком невозможным здесь, в этой глухии.

Едва уловимое, прерывистое, живое потрескивание. Тихое шипение. И под ним — смутные, басовые ноты мелодии, которую он слышал сотни раз в их квартире. Звук иглы, бегущей по канавке старой виниловой пластинки.

Сердце его сжалось в ледяной комок, а потом забилось с такой дикой, животной силой, что боль отдала в виски, в челюсть, в самые кончики пальцев. Кровь ударила в голову, на мгновение ослепив. Он вскочил, и ноги понесли его сами, до того, как мозг отдал команду. Шаг ускорился, сбился с ритма. Потом он почти бежал, спотыкаясь о скрытые корни, не замечая

острых веток, хлеставших по лицу и рукам, не чувствуя ничего, кроме этого звука — маяка в мертвой тишине.

Лес вокруг начал меняться на глазах. Деревья будто расступались, отшатываясь, образуя чёткий, неестественно прямой, как по линейке, проход. Свет в конце этого зелёного тоннеля из сплетённых крон становился ярче, золотистее, манил. И там, в этом сгустке света, вырисовывалось угловатое, рукотворное, совершенно чужеродное пятно.

Он замер на краю поляны, задыхаясь, держась за ствол сосны, чтобы не упасть. Каждая клетка тела кричала от напряжения, от предвкушения, от ужаса.

— Если это снова не то... Если это мираж, галлюцинация, последняя шутка моего сломанного мозга... — он не закончил. Силы не было даже на полноценный страх. Осталась только аритмичная дрожь во всём теле.

Он сделал ещё один шаг. Потом другой. Отрывая ноги от земли, будто они были из свинца.

И тогда, наконец, увидел.

Дом.

Не похожий — тот самый. Одноэтажный, из тёмного, почти чёрного от времени бруса, с покатой крышей, густо поросшей изумрудным мхом. Крыльцо, слегка перекошенное под грузом про-

шедших лет, с той самой голубой, облупившейся краской на перилах. Маленькое, квадратное окно, затянутое изнутри светлой, почти белой тканью вместо занавески — «чтобы свет был мягким», как она писала. Всё, до последней знакомой щели в третьей ступеньке, до скола на углу фундамента. Это была не фотография. Это была материализовавшаяся память. Плоть, обретённая её словами.

Дом из её первых, счастливых писем. Дом, в котором она жила, писала, слушала пластинки. Дом, из которого приходили сначала радостные, потом спутанные, потом полные немого ужаса строчки. Дом, который был последним известным местом её пребывания перед вопросом «ГДЕ Я?».

Он стоял, не в силах пошевелиться, боясь, что одно неверное движение, один вздох громче обычного разобьёт эту хрупкую, невозможную галлюцинацию, и он окажется опять на пустой поляне, в полной тишине.

И тогда, сквозь приоткрытую форточку под крышей, едва различимо, прерывисто, но неоспоримо, поплыл тот самый, единственный в мире звук. Негромкий, монотонный, живой.

Потрескивание. Шипение.

Проигрыватель.

Часть V. СЕЙЧАС

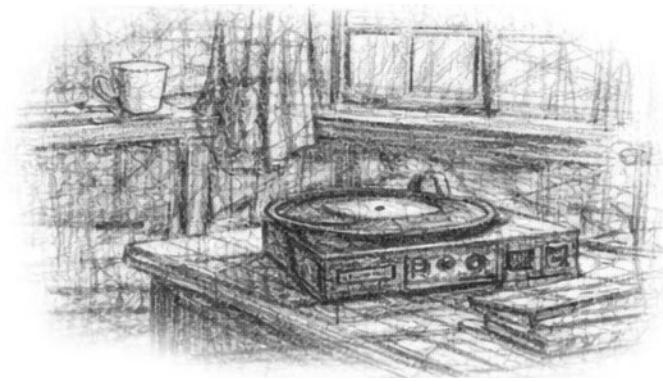
Глава 12. Внутри

Дверь не была заперта. Она поддалась под давлением его ладони без усилия, с тихим, долгим, почти музыкальным скрипом, будто не открывалась долгие годы, а может, наоборот — только что закрылась и ждала именно его.

Первое, что ударило в нос, сбив дыхание, — запах. Не затхлость заброшенного дома, не сырость. Сложный, слоёный, живой аромат: воск от погасшей свечи, горьковатая сосновая смола из камина, пыль, прогретая солнцем на старых книгах, и — чёткий, неуловимый, как призрак, след её духов. Тот самый, холодный и цветочный, «запах первого снега». Воздух был прохладным, но не пронизывающе холодным, как снаружи. Будто температура здесь замерла на определённой, комфортной, вечной отметке и не собираясь меняться.

Он переступил порог, и его нога мягко, почти бесшумно, утонула в густом, пружинистом ворсе немножко потертого, но безукоризненно чистого коричневого коврика, который, казалось, вобрал в себя всю тишину и покой этого дома.

Прихожая была крошечной, уютной ловушкой. На деревянной вешалке висела её зелёная походная кофта, та самая, из сообщений в поезде. Рядом — старое, добротное, немного старомодное пальто из тёмного, плотного сукна, которого он никогда у неё не видел. Оно выглядело так, будто его но-

сили в середине прошлого века, но висело оно здесь, как нечто привычное и своё. Под ним — пара детских резиновых сапог, ярко-красных, с отколовшимся рисунком утенка. Они были сухими и чистыми.

Гостиная залита косым, золотистым светом из окна, затянутого той самой, светлой, почти белой тканью, что превращала день в мягкий, рассеянный полдень. Всё было на своих местах, но в идеальном, почти музейном порядке, который нарушали редкие, острые островки живого, сиюминутного беспорядка. На диване — скомканный плед в крупную клетку, будто кто-то только что встал. На низком столике у окна — фарфоровая чашка с остатками чая и остывшей ложкой в ней. Чай был холодным, но на поверхности не плавало ни единого пятнышка плесени, лишь тончайшая, почти невидимая, как паутинка, плёнка, будто время над этой чашкой текло иначе.

Он машинально потянулся к телефону, чтобы проверить время, и взгляд его упал на значок в углу экрана. Полные деления. Иконка сети — все палочки. Здесь был идеальный, уверенный, стопроцентный приём. Вопрос прозвучал внутри, гулко и нелепо: «Зачем тогда письма? Зачем весь этот театр с конвертами, штемпелями, неделями ожидания? Здесь есть всё. Здесь есть связь.» Ответом была лишь

тишина комнаты, внезапно ставшая звенящей. Это несоответствие висело в воздухе тяжёлым, необъяснимым фактом, гвоздём в гроб его прежней логики.

На низкой тумбочке у стены стоял проигрыватель. Тот самый, тёмный, лакированный, с полированными латунными деталями. На нём беззвучно крутилась пластинка. Игла тихо поскрипывала в замкнутом, бесконечном круге — не на музыке, а в самой концевой дорожке, раз за разом ударяясь о ограничитель с мягким тук-тук и возвращаясь назад, чтобы начать снова. Он подошёл, дрожащей рукой поднял головку. Скрип и тихие щелчки прекратились. В наступившей тишине стало ещё громче. Он услышал тиканье. Не синхронное, как дома у мамы, а одно-единственное, громкое, размеренное — настенные часы с маятником где-то в коридоре.

Он начал методично, как следователь на месте преступления, осматривать комнату, стараясь дышать ровно. На книжной полке — знакомые томики стихов и философии, которые были у неё в городе, и несколько совершенно незнакомых, старых, в потрёпанных переплётах. Среди них — сборник, строчку из которого она процитировала ему на их третьем свидании. Рядом с ним, засунутая между страниц как закладка, лежала детская пластиковая заколка в виде бабочки. Синяя, потёртая, явно из далёкого детства.

На письменном столе, рядом с холодной чашкой, лежал тот самый чёрный блокнот в твёрдой обложке. Её блокнот. Тот, что он видел у неё дома, который она захлопывала с лёгким, оборонным щелчком. Блокнот был приоткрыт, развернут на середине, будто его только что отложили, чтобы вер-

нуться через минуту. Рука его дрогнула, прежде чем коснуться его. Он открыл страницу, и его поглотил водоворот. Это был не дневник в привычном смысле. Это был след её сознания, её сумасшествия или её гениальности, выплеснутый на бумагу в полном, абсолютном, красивом и жутком беспорядке.

Первая страница, на которую он наткнулся, была исписана её взрослым, нервным, летящим почерком — тот самый, что появлялся в последних, пугающих письмах. Бессвязные, но пронзительные фразы: «Тишина здесь не пустая, она зернистая, как старый фильм. Иногда кажется, что если прислушаться, можно услышать, как она дышит где-то в прошлой комнате.» «Музыка застревает между нотами. Я нашла эту щель сегодня. Там пахнет детством и мокрым асфальтом». Но, перелистнув несколько страниц, он наткнулся на вырванный и аккуратно вклеенный листок из школьной тетради в косую линейку. Детский, округлый, старательный почерк, вероятно, лет семи-восьми: «Сегодня мама купила мне краски. Я нарисую дом. Но он будет не такой, как у всех. У него будет много окон».

Сердце ёкнуло, сжавшись от леденящего предчувствия. Он листал дальше, и мир сужался до этих страниц. Везде царил хронологический хаос. Карандашный набросок сложной схемы, похожей на ла-

биrint или спираль ДНК, соседствовал с приклеенным фантиком от той самой конфеты, которую они ели вместе на его кухне в первую неделю знакомства.

Здесь же, между страниц, лежали закладки-артефакты, как в музее одной души: засушенный цветок иван-чая, билет на поезд «Москва-Ленинград» с нечитаемой, выцветшей датой, странный, геометрически правильный сухой лист, которого не бывает в этой полосе. И письма. Черновики писем к нему. Одно начиналось словами: «Когда ты это прочтёшь, я, наверное, уже буду знать тебя целый год... или всего неделю. Для меня нет разницы, и в этом вся проблема.» Слова «целый год» и «всего неделю» были яростно зачёркнуты, будто она не решилась их отправить или поняла, что в этом контексте они бессмысленны.

Последняя запись дневника датировалась тем же днём, когда он нашёл этот дом. На странице было спокойно и ровно выведено: «31.12.?5. У меня сегодня день рождения». Он замер, вчитываясь. 31 декабря. Но день рождения у Ани был весной, в мае. Он помнил это абсолютно точно — они отмечали его в парке, было уже тепло. Он перечитал. Знак вопроса перед цифрой «5» в году смотрел на него как слепое пятно, как вопросительный знак в самом основании реальности. Его мозг, уже измотанный до предела, отказался это анализировать. Он просто не понимал. Не понимал, как день рождения может быть не в свой день. Не понимал, что значит этот вопрос в дате. Это была не запись — это был ребус без ответа, последняя капля, переполнившая чашу абсурда.

Именно в этот миг полного, оглушающего недоумения, из бумажного хаоса блокнота, затерян-

ная между страниц о детстве и этой злосчастной записью, выпала фотография. Он поднял её. Квадратный формат, матовая поверхность, белая кайма — стиль её плёночных снимков. И сразу же — узнал. Тот самый обрезанный, пожелтевший снимок, уголок которого торчал когда-то из-под обложки в их квартире. Тот самый незнакомый силуэт.

Теперь он видел его целиком. Кадр был снят на крыльце этого самого дома. Лето. Светло. Аня, смеющаяся, зажмурившись от солнца, прижалась щекой к плечу мужчины. Её волосы разеваются. А мужчина... Мужчина в тёмно-синей практичной куртке, смотрит не в кадр, а на неё. С той самой улыбкой, которой не было на его лице уже много месяцев — спокойной, счастливой, без тени той вечной тревоги, что грызла его теперь. С тем особенным, узнаваемым до боли наклоном головы, который был у него, когда он был по-настоящему расслаблен и счастлив.

Время остановилось. Воздух вырвался из лёгких тихим свистом.

Незнакомый силуэт был его собственным. Холод, острый и безжалостный, как скальпель из жидкого азота, пронзил его от копчика до самого затылка, сковал мышцы. Кровь отхлынула от лица, оставив ощущение маски из льда. В ушах загудел нарастающий, белый шум, заглушающий тиканье часов. Он впивался взглядом в снимок, искал подвох, фальшь, следы цифрового монтажа — и видел только лёгкую, благородную зернистость старой плёнки, настоящую, падающую тень от перил крыльца на его собственную руку, мельчайшую царапинку на объективе, оставившую тонкую белую черту на небе. Это была не под-

делка. Это была та самая, настоящая, материальная фотография. Свидетельство того, чего не могло быть

— Этого не было, — его голос сорвался на хриплый, полный чистого, животного ужаса шёпот. Звук был чужим. — Я здесь впервые. Я никогда... Это... невозможно.

В этот самый момент, когда пол под его ногами словно превратился в зыбкий песок, готовый поглотить его, а стены поплыли, сзади, из глубины дома, раздался лёгкий, почти неслышный, но чёткий скрип.

Не дома. Двери.

Он медленно, преодолевая чудовищное, свинцовое давление нереальности происходящего, словно поворачивая голову под водой, обернулся.

В проёме двери стояла мама Ани. В своём неизменном тёплом кардигане, со следами дорожной пыли на подошвах практических ботинок. На её лице не было ни удивления, ни тревоги, ни даже вопроса. Было лишь глубочайшее, бездонное, древнее спокойствие и усталая, пронзительная грусть в уголках глаз и губ. Её взгляд скользнул по его бледному, искажённому лицу, по дрожащей руке, сжимавшей фотографию-приговор, мягко остановился на ней, и в её глазах мелькнуло понимание. Полное и окончательное.

Она тихо вздохнула, и в этом сдавленном, ко-

ротком звуке неожиданно прозвучало нечто похожее на сдержанное облегчение, будто она только что приняла трудное, но необходимое решение.

— Пойдём на кухню. Чай уже заверен.

Не дожидаясь ответа, она плавно повернулась и скрылась в тёмном кухонном проёме, оставив его стоять посреди просторной, залитой вечерним светом комнаты с призрачными осколками собственной реальности в руках и под рокочущим, оглушительным гулом одного-единственного вопроса, на который не существовало и не могло существовать никакого вразумительного ответа.

Глава 13. Вне времени

Кухня была такой же странной, как и гостиная, и в этом была своя, сокрушительная логика. Чистой, но обжитой до мелочей. На плите стоял старый эмалированный чайник, из носика валил лёгкий, упругий пар, будто его только что сняли с огня. Мама разлила чай по толстым, шершавым глиняным кружкам, пахнущим глинозёмом и тысячами предыдущих настоев. Запах мяты, дикого мёда и чего-то горького, корневого — полыни или зверобоя — повис в прохладном воздухе, смешавшись с запахом старого дерева и воска.

Он сидел за столом, сжимая в одной руке горячую кружку, а в другой — ту самую фотографию. Он больше не смотрел на неё. Он просто чувствовал её

вес, шершавость краёв, лёгкую выпуклость глянца. Последняя связь с реальностью, которая только что развалилась на глазах. Он боялся разжать пальцы, будто от этого зависело само его существование.

Мама сидела напротив него, неподвижная и спокойная, словно глубокое лесное озеро, уже успокоившееся после прошедшей бури. Она терпеливо ждала, не торопя события, пока он соберётся с мыслями и наконец найдёт в себе силы поднять опущенную голову и встретиться с ней взглядом.

— Она живёт не так, — голос мамы стал тише, но твёрже. — Время для неё... не линия. Это дом. Со множеством дверей. Она может открыть любую и оказаться в прошлом. Или в будущем. Иногда дверь открывается сама, и она проваливается. Она не управляет этим. Она в этом живёт.

Слова падали в тишину кухни, как камни в колодец, и эхом отзывались в его разуме, задевая обрывки воспоминаний: её разговоры о музыке как о «застывшем времени», её странные замечания о том, что «всё уже было», её способность чувствовать настроение места, как будто она знала его историю на ощупь.

— Поэтому письма, — выдохнул он, нако-

нец находя в этом хаосе первую, хлипкую, но логичную нить. — Не телефон. Не интернет.

Мама кивнула, и в этом кивке была горечь согласия.

— Цифре нужно точное «сейчас». Чёткие координаты во времени: дата, час, секунда синхронизации. У неё этого нет. Её «сейчас» может быть вчера, или через год. Бумага... бумага терпелива. Она вне времени в своём роде. Письмо может идти неделю, месяц, год — и для неё это нормально, потому что её восприятие не привязано к сроку. Оно просто найдёт тебя в том времени, где ты есть. Оно будет ждать в почтовом ящике, пока твоя линия не пересечётся с моментом его отправки. Или получения.

Он посмотрел на фотографию. На своё улыбающееся, беззаботное лицо, которого не видел в зеркале уже целую вечность. На доверчивый наклон её головы к его плечу.

— А это? — его голос звучал глухо. — Это... будущее? Какое-то наше будущее, которое она уже посетила?

Мама долго молча смотрела на снимок, застыв в неподвижности, и в её глазах, обычно таких ясных и сдержанных, появилось выражение бесконечной нежности, смешанной с тихой печалью, которая была глубже и трагичнее любой открытой скорби.

— Для неё это уже было воспоминанием, — сказала она так тихо, что он едва расслышал. — Когда она показала мне этот снимок в первый раз, ей было семь лет. Мы разбирали старый сундук на чердаке. Она достала его, этот квадратный кусочек бу-

маги, и сказала, не моргнув глазом: «Вот мой друг. Мы встретимся, когда я вырасту». — Мама замолчала, давая словам, этим невероятным словам, осесть, впитаться в реальность. — Она не предсказывает будущее. Она помнит его. Помнит то, что для нас ещё не случилось. Или уже случилось в одном из её других «сейчас». Эта фотография... это её самая сильная, самая яркая память. Та, которая смогла пробиться сквозь все её времена, все её комнаты, и материализоваться здесь, на бумаге. Как якорь. Как доказательство для самой себя, что ты — не сон.

— Где она сейчас? — его голос был хриплым, лишенным уже даже надежды, просто констатирующим факт отсутствия. Последний, самый важный вопрос.

— Не знаю, — честно, без утайки сказала мама. — В одной из своих комнат. Может, в той, где ты только заходишь в кофейню и видишь её в первый раз. Может, в той, где вы уже седые и тихо сидите на этом самом крыльце. Я не могу её найти. Никто не может. Нельзя найти человека в лабиринте, если сам находишься за его пределами. Можно только... ждать у нужной двери. И надеяться, что когда-нибудь её дверь снова окажется напротив твоей, и вы увидите друг друга в одном и том же свете, в одном и том же «сейчас».

Он отпил чаю. Горький, терпкий настой обжёг язык и горло, но это было почти приятно — простое, физическое ощущение в мире, где все остальные ощущения, все законы физики и логики расползлись, как дым. Он поставил кружку с глухим стуком.

— Зачем Вы всё это мне рассказали? — спросил он, и в его вопросе звучала не злоба, а усталое изумление.

— Потому что она хотела, чтобы ты знал, — мама

сказала это с такой нежной твердостью, что не осталось сомнений. — Она проложила тебе этот путь. Оставила письма не как крик о помощи, а как путеводные нити. Кинула их в твой линейный мир, как камушки в пруд, зная, что рябь рано или поздно приведёт тебя сюда. Не для того, чтобы ты её спас. Её нельзя спасти. А для того, чтобы ты понял. Чтобы в этом прямом, неумолимом времени был кто-то, кто знает правду. Кто помнит её не как сумасшедшую, не как беглянку, не как пропавшую без вести. А как путешественницу. Как человека, который просто живёт в другом измерении. Ты был для неё... тихой гаванью в бушующем море времени. Единственной точкой, где ей было спокойно, где её «я» не расползлось на куски. Она это чувствовала. И хотела, чтобы у тебя тоже была гавань. Чтобы ужас и непонимание сменились знанием. Даже если это знание горькое. Даже если оно ничего не меняет. Она любит тебя. Не в будущем. Не в прошлом. А всегда. Везде, где она есть.

Он больше не плакал. Слёзы, казалось, высохли где-то в самой глубине, оставив после себя странную, холодную, почти минеральную пустоту. Но в этой пустоте была и ясность. Страшная, окончательная, не оставляющая места иллюзиям. Он положил фотографию на стол. Поднялся. Ноги были ватными, но держали. Мама не стала его удерживать, не спросила, куда он, не предложила помощи. Она лишь смотрела на него тем же усталым, понимающим взглядом, в котором теперь читалось не только сострадание, но и какое-то странное, глубокое уважение — уважение к тому, что он прошёл, и к тому, что ему предстояло принять.

— А как Вы... как Вы оказались здесь? Сейчас? Вы ведь не могли знать, что я приду именно сегодня.

Мама медленно подняла на него взгляд. И в её глазах, помимо вечной усталости, мелькнуло что-то неуловимое — отблеск, отсвет того же непостижимого чуда, что жило в её дочери.

— Я знала, — тихо сказала она. — Аня мне сказала.

Воздух в крошечной кухне словно вымер, стал густым и неподвижным. Он почувствовал, как холодок, знакомый до мурашек, снова пробежал по его спине.

— Что... что значит «сказала»? Когда? Как?

— Три дня назад, — мама говорила ровно, как о погоде. — Она зашла ко мне на кухню, в моей квартире. Была взволнованная. Сказала: «Он уже близко. Он будет в доме послезавтра, вечером. Тебе нужно быть там. Ему будет нужен чай и... правда». И ушла. Как будто вышла в магазин. Я села на тот же стул и просидела, наверное, час. Потом собралась и поехала. Чтобы успеть.

Он молчал. Его разум, только что с трудом, с кровью и потом принявший чудовищную концепцию нелинейного времени, получил новый, ошеломляющий удар. Она не просто жила в разных временах. Она могла передавать сообщения сквозь временные пласти. Всё её путешествие, все эти месяцы мукительных писем, странностей, паузы — это была не просто попытка связаться, не крик о помощи. Это была тщательная, продуманная подготовка. Подготовка его. К этой встрече. К этому чаю. К этой страшной, освобождающей правде. Он был не искателем. Он был... участником ритуала, сценарий которого она написала заранее, в каком-то другом сво-

ём «сейчас». Его боль, его безумие, его поиск — всё это было частью плана. Частью пути к пониманию.

Больше вопросов не было. Они иссякли, сгорели в этом последнем откровении. Он положил фотографию на стол. Поднялся. Ноги были ватными, но держали. Мама не стала его удерживать, не спросила, куда он. Она лишь смотрела на него тем же усталым, бездонно грустным взглядом, в котором теперь читалось и сострадание, и какое-то странное уважение.

Он вышел на крыльце. Вечерний воздух, густой и ледяной, вонзился в лёгкие, как очищающий нож, смывая последний налёт духоты, паники, умственной лихорадки. Лес стоял перед ним чёрной, безмолвной, вечной стеной. В нём не было угрозы. Была лишь тишина. Та самая тишина, о которой она писала, — не пустая, а полная. Он медленно, чувствуя каждую мышцу, каждую кость, опустился на ту самую ступеньку, что была на снимке — ту, где на фото сидели они оба, счастливые и цельные. Дерево было холодным, шершавым, абсолютно реальным под его ладонью. Он достал из рюкзака свой потрёпанный, испещрённый заметками блокнот и простую шариковую ручку. Последние инструменты его прежней, линейной, понятной жизни.

Он открыл её на чистой, последней странице. Долго смотрел на белизну бумаги, которая казалась теперь единственной по-настоящему нейтральной, честной территорией во всей вселенной. На единственную вещь, которая подчинялась простым, неизменным законам: чернила оставляют след, бумага сохраняет его. Время здесь было не властно. Потом начал писать. Медленно, с неве-

роятной, почти священной тщательностью, выводя каждую букву, как каменотёс выбивает последнюю, самую важную надпись на надгробии... или на краеугольном камне. Его почерк был твёрдым, ровным, без единой дрожи. В нём не было ни надежды, ни отчаяния, ни горечи. Была лишь простая, неоспоримая, тихая констатация. Приговор судьбе и обет верности одновременно. Он написал всего одну фразу. Ту, к которой шёл все эти долгие месяцы.

«Аня. Я всё понял. Я тебя жду.»

